

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Василий
Белов

БухТины ВолоГолские
ЗаВаразные

Annotation

Бухтины вологодские
завиральные в шести темах
достоверно записаны автором со
слов печника Кузьмы Ивановича
Баряхвостова, ныне колхозного
пенсионера, в присутствии его жены
Виринеи и без неё

- [Белов Василий Иванович](#)
 - [Первая тема](#)
 - [Вторая тема](#)
 - [Тема третья](#)
 - [Четвертая тема](#)
 - [Пятая тема](#)

- [Шестая тема](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

**Белов Василий
Иванович
Бухтины
вологодские
завиральные**

Первая тема

*(О том, как Кузьма
родился, гулял в холостяках
и как наконец женился на
Виринее)*

Ждать да погонять нет хуже

Мне на сегодняшний день ровно пятьдесят годов, тютелька в тютельку. Было пожито. Дорога моя долга и не больно ровна, с бухтинами идти веселее. С бухтинами не расстаюсь, иду вдоль своей жизни. Вдоль пройду, потом пойду поперек. Такие мои главные планы. Мне сват Андрей говорит: «Ты, Барахвостов, плут. Плут и жулик, ты себе годов прибавил. У тебя годов стало лишка». — «Нет, — говорю, — не лишка. У меня все точно подсчитано, ты, сват, не придирайся».

Дело было в шестнадцатом году. Начал я тогда задумываться, родиться мне или погодить? Конечно, можно и так и эдак, два-три года ничего не решают. А все ж таки...

Думал, думал, не знаю, что и делать. Посоветоваться, да не с кем. И на белый свет в такое время заявляться не больно приятно: шла первая германская. И родиться охота. Я не хуже других и прочих. Все-таки решил погодить, пока война не кончится. Думаю, нечего там пока и делать: ни хлеба, ни табаку в магазинах нету. Ладно.

В семнадцатом году накатила на матушку-Русь революция. Царя Николая с должности спихнули. Все

прежнее начальство прогнали по спине мешалкой. Слышу, мужики землю собираются делить. Ах мать честная, а у меня не у шубы рукав! Матка моя еще в девках, отец неведомо где. В деревне вот-вот землю по едокам разделят, а я еще не родился. Что делать? Как срочно родителей познакомить? Вот, слышу, мой отец приехал с войны домой. Вот на игрище мою матку встретил. Ну, думаю, сейчас дело пойдет. Жду.

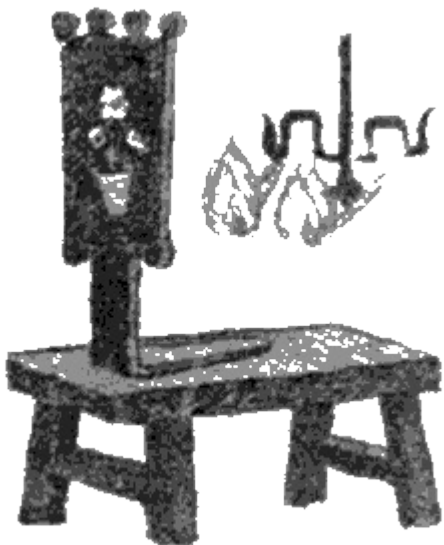
Ждать да погонять — нет хуже. Девять месяцев ждал, пока не родили.

Меня мамушка рожала,
Вся земелюшка дрожала,

Тятка бегаєт, орєт,
Зимогора бог даєт!

Все прошло благополучно.
Успел. Как раз к земельному
переделу. Тогда акушерок и
поликлиник не было, бабы про
абортаж не слыхивали.

Начало жизни

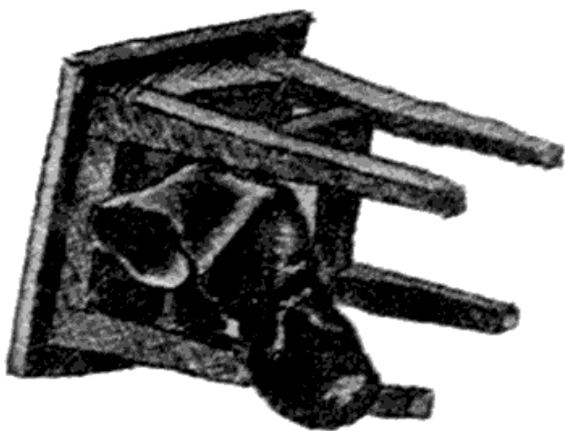

С одной стороны, ладно, что и родился, эта забота у меня отпала. А с другой... Вижу — на белом свете дым коромыслом, ничего не

поймешь. Бабы встали супротив мужиков, детки против родителей. Хлеба нет, вина вдоволь. Народ от работы отвык, только шумим да ждем братской помощи. От братанов ни слуху ни духу. День рождения прошел благополучно, я уж тебе рассказывал. Старухи сослепу пуп на моем брюхе завязали не плотно. Я чихнул, завязка лопнула. Все старушки руками всплеснули: «Ай, какой фулиган!» Хотели вдругорядь завязать, а ниток нету. Побежали, трупёрды, за льном, давай куделю катать. Чтобы ниток напярсть. Тут уж я этих старух и правда чуть не обматюгал. До чего, понимаешь, дело дошло! Человек родился из тьмы,

надо пуп завязать, а они только нитки прясть собираются. Я ногами лягаюсь, в уме ругаюсь, язык-то еще почти не действовал: «Сивые дуры! Шоптаницы!» Они куделю скатали, к пряслице привязали. Спорят, кому нитку прясть. Одна говорит: «Я буду». Другая: «Нет, я тоньше пряду». Третьей тоже не терпится. Спорят старушки, а я лежу с незавязанным пупом! Сунуло родиться не вовремя. Заревел. С такого начала еще и не так заорешь. Старушки, пока разобрались, что да как, избу вконец выстудили. Лучина кончилась. Пуп завязывали в полной темноте. Было греха-то.

Не мне говорил

Хорошо жить, пока ты Кузька.
Только станешь Кузьма Иванович —
сразу и кидает в задумчивость. От
этой задумчивости приходит

затмение жизни. Тут уж опять без бухтины не проживешь. Бухтина душу без вина веселит, сердце примолаживает. Мозгам дает просветление и новый ход. С бухтиной и желудок лучше себя чувствует. Бухтинка иная и маленькая, да удаленькая: умный перед ней душу раскрыл, дураку она сама рот распахивает. Мало ли дураков-то на белом свете? Полоротых-то?

Дураку только скажи, он решетом воду будет носить. Молоко шилом хлебать да еще и прикряхивать.

Вот у меня сват Андрей, этот не такой. Этот ухо держит остро, хвост

пистолетом. Бывало, еще ребенками, ходили мы с ним по другоизбам. Особенно к одному сапожнику, слушать бухтины. Сапожник сидит, голенище тачает, сам рассказывает: «Вот, ребятушки, иду я вчерась из бани, гляжу, а лиска по полю попрыгивает. И прямо к церкви. Забежала на колокольню да и давай звонить. Вот бомкает, вот бомкает. Отзвонила, курицу у дьячка свистнула да и в лес. Рыжая!»

От сапожника бежим с Андрюшкой к нему домой. Он еще с порога давай рассказывать, как лиска на колокольне звонила. Матка над ним хохочет:

— Полно, дурак, ведь все

неправда. Сапожник тебя обманул.

Андрюшка головой мотнет:

— Не!

— Чего не?

— Да он не мне говорил-то.

— А кому?

— Да Кузьке!

Это он семи годов такой был, а какой стал в зрелые годы — сам догадайся. Нет, нас со сватом на кривой не объедешь.

Как бы не пересохли

Правда, и со сватом Андреем вышла один раз промашка. В детском возрасте. Летом они с дедушкой жили в лесу, косили коровам сено. Свату Андрею сшили первый раз

сапоги, научили косить. Вставать надо рано, вместе с солнышком. Роса по утрам что кипяток, иногда и с инеем.

Сват Андрей думает: «Ежели бы не сапоги, все бы ладно. Босиком косить не заставили бы».

Говорит дедушку: «Дедушко, мне новых сапогов жалко. Не буду я их рвать, пусть мамка домой унесет». Дедушко ему говорит: «Хороший парень, обутку бережешь с малолетства. Вот матка с пирогами придет, мы твои сапоги с ней в деревню отправим. А пока ты их повесь на жердку, пусть просыхают».

Утром дедко внушка не будит: какая косьба голопятому? Сват

Андрей выпался досыта. Встал, кашу дочиста съел и котелок выскоблил. Весь день ягоды ел, а дедко косил. Вечером поужинали, дедко говорит: «Как бы нам блох в избушке не развести... Давай старое-то сено выкидаем, настелем свежего». За избушкой была накошена крапива. Дедко ее и настелил Андрюшке, втолстую. Уклались ночевать. Сват Андрей ерзает. Сапоги висят, сохнут. «Дедушко, вон у Кузьки в петров день гости ночевали, все в сапогах на сарае спали. Обутые». — «Напились, видно». — «Не! Кузькин божат и вина не пьет, одно сусло, а тоже не разувался». — «Божат?» —

«Ыгы». — «Видно, он забыл разуться-то. А ты ноги-то поглубже в сено зарой, оне и не замерзнут».

Полежали еще. Сват Андрей опять: «Дедушко, а ведь ежели долго сапоги не носить, оне засохнут, с портянками и не обушь». — «А мы их деготком, деготком. Оне и отмякнут. Не холодно?» — «Только ведь ноги тереть будут сапоги-то». — «Пожалуй, немножко будут». — «Лучше я их обую, а то они совсем ссохнутся». Дедко говорит: «Завтра и обуешь. Ты у нас парень хороший, вишь, как обутку бережешь. Я в твои годы еще и портки на ночь снимал. А как же? Семья большая, портки дело нешуточное».

Утром до солнышка сват Андрей спрыгнул на обе ноги. Сразу бросился сапоги обувать, засобирався косить. Дедко говорит: «Не ходи! Надо бы еще посушить ночку». — «Нет, дедушко, как бы не пересохли».

Новые меры

Чего я в своей юной жизни не любил, так это дергать лен. Еще пасти молодых телят. Это мне было хуже горькой редьки. Бывало, лен дергаешь, а голова от дурману как колотушка. Руки в занозах, а полоса что великий пост, конца не видать.

Поставили меня в пастухи. С
телятами — того хуже. Только
солнышко встанет, оне хвосты на
спину, копыта в небо. Завзлягивали.
Пока одного в коллектив
восстановишь, другой от стада
наяривает, сам не знает куда. За
этими сбегашь — третий сбился с
фарватеру. Такое возьмет зло,
заревись и давай их сам разгонять.
Бегите, дристуны, по всему лесу, хоть
все разбегитесь! Каменьями по ним
палю, только бухает. Бегите по всем
странам! Все! Оне — ни с места.
Наоборот — в кучу сбиваются. Такая
натура, все время норовят по-своему.
Вижу, надо принимать крутые новые
меры. Того же дня барабанку в озеро,

сам с пастухов долой. Ушел на другую должность. Вот, парень, кабы и везде так! Не умеешь пасти — уйди подобру. Правда, пока я должность менял, телят убавилось. Оводы и те обсядут, бывало, теленка, дружно уцепятся. Крыльями загудят, глядишь, от земли уже оторвали, ноги болтаются в воздухе. Он мыркает, а они хоть и с натугой, а все дальше да выше, дальше да выше. А голос телячий все тише да тише. Потом и совсем станет не слышно, одна черная точка.

Обман зрения

Со стариками одна беда, а и с молодыми не мед. Особенно с мужским полом. Только с четырех ног сделал перестановку на две, сразу и варзать.^[1] На березу залезет сам, обратно слезать — волокут пожарную лестницу. Дикого реву — хоть затыкай уши. Под осень на огородах ставят клепцы, как на зайцев. Еще ничего не созрело, а мы

уж идем в поход, чужая репа испокон веку своей слаще. Из ружья по нас палят мелким горохом. На гумне друг у дружки эти горошины лучинками поочередно выковыриваем. Как в санбате. Вон у свата Андрея и сейчас целый стручок в заднице. Из-за этого в баню не ходит. Боится, что от теплой влаги горох разбухнет, а потом пойдут дружные всходы. Милое дело.

Да. Расскажу, как выходил из детского возраста. Я уже трои сапоги измолол, печи класть выучился, а насчет женитьбы не заикнись. Во сне по ночам начал вздрагивать. Стали сниться пожары. Днем девки из головы не выходят, одна особенно.

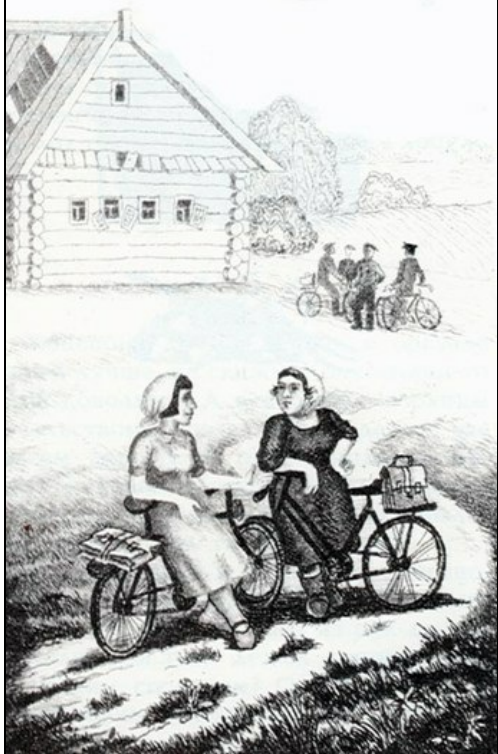
У тальяночки ремень,
А я о дролечке ревел,
Я еще бы поревел,
Да мне товарищ не велел.

Обедать сядем. Матка мясо крошит, болонь, белое сухожилье, — мне: «На, Кузька, перекуси! Перекусишь — на зиму женим». Кусаешь, кусаешь отступишься. Матка хохочет. Через год отец устраивает экзамент: «Топорище хорошее сделаешь — на зиму женим!» Топорище сделал — оближешь пальчики. А отец помалкивает. Будто ничего и не говаривал. Ладно. На третий год

говорит: «Вот, Кузька, ежели гвоздь с трех разов загонишь в бревно, на зиму женим». Этот гвоздь и не пикнул. Я его с двух ударов забил в бревно по самую шляпку. Отец говорит: «Нет, брат, рано тебя женить. Ты у нас еще дурак дураком. Такой гвоздь испортил, забил в чурку ни с того ни с сего». Вижу, кругом один обман зрения. Три зимы прошло, женитьбой не пахнет. Стал думать головой. Работа тяжелая. Один раз и говорю тятке: «Надо бы, тятя, овцу зарезать, пустые шти хлебать неохота». Отец говорит: «Да вот, сынок, сам видишь, овец только остригли, стриженую овцу резать невыгодно». На другой день, гляжу,

выходит из хлева. Спрашиваю: «Что, тятя, не подросла шерстка-то?» Поглядел на меня, ничего не сказал. Через два дня лошадь запрягли, поехали свататься.

На взлёте жизни

С первого разу дело не вышло, не буду и врать. С одноразки и чихнуть не каждый сумеет, а тут женитьба. Дело темное. Как сватался, это место пропущу, расскажу сразу про первую ночь. Свадьбу приурочили к Первому маю. Для экономии лишних средств. Отплясали, отгуляли, подошло время ложиться спать. Пришла первая ночь с молодой женой, чувствую сам, что оказался на взлете жизни. Постлали нам в горнице. Только я один сапог разул, моя говорит: «Кузя, Кузя, мне надо в женсовет, у нас бубновское движенье». Кузя молчит. Она дверями хлоп, только сарафан

вильнул. Гляжу в одну точку. Не знаю, что делать — то ли остатний сапог снимать, то ли и первый обуть да за бабой бежать. Пока думал, удула в избу-читальню. Изба-читальня в другой деревне. Я — туда.

Заседание только вошло в силу. Мне говорят: «Осlobоди помещенье». Я уперся, не ухожу. Выставили физической силой. Коромысло на крыльце схватил, хлесть по раме. Хряснул, знамо дело, изо всей правды: косяки устояли, рамы вылетели. Весь женсовет сперва визжать, после панику обороти и той же ночи постановили: «Кузьме Барахвостову, урожденцу такому-то, как злостному алименту,

вставить новые рамы. А его несознательную личность отдать под суд».

В суде меня спрашивают: «С каких позиций пазганул по окну?» — «С улицы». — «Нет, — спрашивают, — какие были первые намеренья? Ежели тебя судить по классовым признакам, дак столько-то, а ежели по фулиганству, дак сидеть намного меньше». Говорю: «Простите, пожалуйста!» — «Ладно, иди домой».

Домой прихожу, отец ко мне в ноги: «Кузька, — говорит, — гони, ради Христа!» — «Кого?» — «Как кого, бабу свою гони! Пока тебя не было, иконы выкидала. Корову доить

не пошла, сидит над бумагами. Рот в черниле. Не прогонишь, одна нам с маткой дорога — в петлю!» Я говорю: «Обожди!» — «И ждать нечего. Матка, зови десятского, будем делиться».

Разделились. Полкоровы нам — полкоровы отцу, пол-избы ему — пол-избы мне. Самовар отошел родителям, тулуп — нам. От такой жизни оба с отцом похудели.

Неделю пожили, мерина запрягаю: «Складывай узлы!» Отвез ее обратно, у бани выгрузил. Мне ее стало тогда жаль. А на другой день на гулянке, слышу, поет:

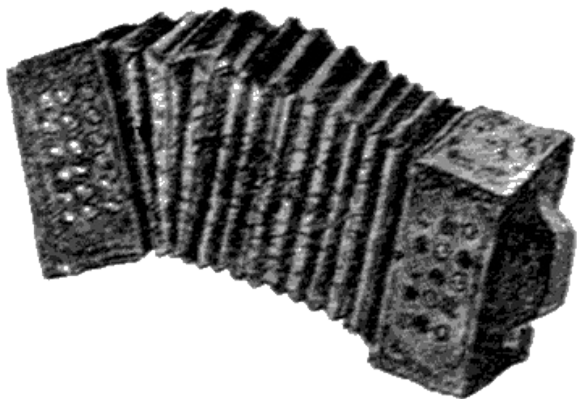
Расставались с дорогим,

Пошла и не заплакала,
Буду с новеньким гулять,
Любовь-то одинакова

Ладно, думаю. Свез, хорошо и
сделал: баба с возу, кобыле легче.

После этого от женитьбы охоту
отбило. Начал со сватом Андреем
холостяжничать.^[2] Было поплясано,
по чужим деревням похожено, в
овинах поночевано. Есть чего
вспомнить.

Сгинули

В гости ходить любил больше всего. И сейчас бы ходил, да больно уж много стало праздников. Внахлестку так и идут, никак не угонишься. Да и здоровье тоже стало не то. Раньше я остановок не признавал, бегал регулярно по всей

округе. Конечно, при таком деле и отряховки провертывались, не скажу. Поколачивали. Особенно первое время: смекалки-то, вишь, не было. Помню, только огороды трещат. Коля по твоей спине знай бухают. Отступаешь в поскотину, тюмы^[3] считать некогда.

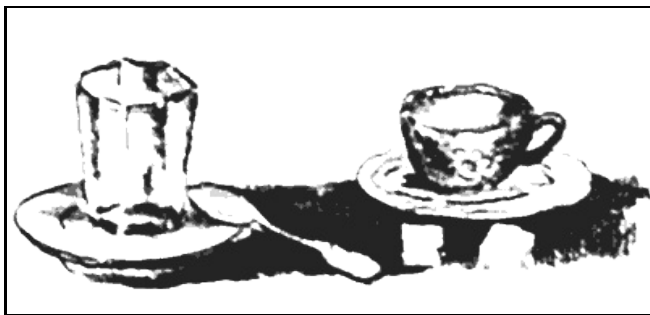
Да. Завел сперва гармонью, потом часы с цепкой. Костюм-тройка у меня был, еще до первого женсовета.

Помню, прихожу на игрище, игрище было у моей милахи. Сидим с ней в коридоре избы. Я на игрище один чужак. Местные, чую, запохаживали на волю, запоглядывали. Чувствую, скоро

начнут колотить! У милахина отца было наварено пиво. Слышу, как оно ходит в бочонках ходуном. Я бочонки батареей перед собой расставил, затычки подколотил плотнее. Лампа в избе вдребезги сейчас пойдут в полный рост. Я бочонок заранее поболтал, держу наготове. Пиво в нем гудит, как в атомной бомбе. Подскакивают. «Стой, — кричу, — лучше не подходи!» Ринулись... Я гвоздиком затычку колупнул. Бух! — человек десять легло грудой. А паники все нет, идут новые. Я другой бочонок. Бух! с коридора как вымело. Бух, бух! — на лестнице чисто. Я палю, оне отступают. Разбежались. На другой день многих искали всем

сельсоветом. Врать не хочу, все почти
нашлись, только двух или трех и не
нашли. Сгинули. Немудрено и
сгинуть: стекла во всех домах от
моей пальбы вышибло.

Была не была

Добро холостым гулять, а от

женитьбы все одно никуда не уйдешь. Редкий человек от нее отвертится. Есть такая болезнь — гриб. Знаешь, наверно. Как от его ни изворачивайся — найдет и температуры нагонит. Нонешней осенью мне сват Андрей говорит: «Я теперь знаю средство, меня нынче ни один гриб не возьмет. Вон за неделю всю деревню перевертело, а я хоть бы что. Хожу да поплеываю». Я его слушаю, сам головой качаю: больно ты, сват, востроглаз. От гриба вздумал отбояриться. «Вон, — говорю, — идет вторая волна, ужю погляжу, как нос-то у тебя разворотит».

Ерепенится: знаю средство, да и

только. «Какое?» — спрашиваю. «Ставь, говорит, — четвертинку — скажу». Я спорить не стал, выставил: «Ну, говори». «А чего говорить — сам видишь, давай доставай стопки. Это средство самое верное». Вдруг как чихнет! «Ох, — говорит, — мать-перемать, надо было скорее, теперь уж не успею! Ну-ко давай, может, еще и ничего». Чекушки как не бывало.

Наутро свата духу нет, на другое — не показывается. Слышу, старухи рассказывают последние известия. У свата кашель в оба конца. Думаю, не хвастай, сват, этот гриб слой найдет. Вот так и женитьба.

Мы с отцом высватали невесту в дальней деревне. Девка что

картинка. В семье одна она да еще сестра старшая. Сестру замуж никто не взял — косая да шадрунья. В девках уселась плотно. Мы высватали младшую. Тесть посулил в придачу самовар красный да суягную овцу. Ладно. Мне бы в сельсовете расписаться, да и дело с концом. А моя матка вздумала свадьбу сделать по-прежнему, с венчаньем. Церква тогда стояла еще со стеклами. Попик сперва упирался, потом пошел навстречу. Сходили в сельсовет за ключами. Я костюм надел, запряг мерина. По обычаю, невесту привезли в других санях, сидит фатой завешена.

В церкви темно и хоть волков

морозь. Из-за этого хватили с попом лишнего. Иду к венцу, гляжу под ноги, чтобы не оступиться да людей не насмешить. Поп нас окрутил на скорую руку, по-стахановски. Все! Молодых садят в одне сани. Мать честная, как повернул я голову-то, так весь и обмер! Сестра-то сидит не младшая — старшая! Косая! Зовут Вириной. Я чуть не плачу, а тесть меня по плечу хлопает: «Кузьма Иванович! Я тебе заместо суягной овцы корову стельную! К самовару-то! И не пикнет!» Хотел я его из саней выкинуть, да совестно от народу. Эх, думаю, была не была, мне что корова, что овца! Попробую и с косоглазой жить, может, и ничего. С

того дня Вирька да Вирька. Уж много годов с ней маюсь, а пораздумать — так вроде и хорошо... А? Чего? Ты, старушка, не хохочи и нас не подслушивай. Твое дело пятое. Сестры-то, говоришь, не было? Вишь, говорит, что у отца одна была. Здря, Виринея. Никогда не вру, могу и перекреститься перед человеком. Всю жизнь идешь поперек меня, одно спасенье — не обращать внимания.

Вторая тема

*(Как пошла у Кузьмы
Ивановича семейная жизнь,
а также приработки к
основному заработку)*

Ухваты не виноваты

А вот ведь первое время тоже еле с ней совладал. С Виринеей-то. Выбрали ее один раз в члены правления, и начала заноситься. Заговорила на «а». Суп варить

перестала. В избе по неделе не метено, ребятишки голодные. Чево? Ребят, говоришь, в ту пору не было? (Не слушай ее, все врет.) Конечно, не было, ежели занялась новым строительством. Значит, на чем я остановился? А ты, старуха, больше нас не перебивай.

Да. Так уж любила на собрания ходить, что и печь иной раз не топила, просто беда. Я уж ее всяко воспитывал и убеждал. «А ежели, — говорю, руководство переменится? Что тогда запоешь? Ведь тебе, — говорю, — тогда не отчихаться». Нет, неймется. На слова никакого внимания. Выручил сват Андрей: «Ты, — говорит, — Кузьма Иванович,

тоже начни ходить. По игрищам». Я так и сделал. Она на собрания, а я к девкам, на игрище. До полуночи домой не являемся, оба-два! Только узнала, сразу все дополнительные нагрузки в сторону. Как отрезало. Я, конечно, человек податливой, тоже сразу остепенился. На игрища ходить перестал. Хоть уж и попривык было к этому делу. Начал налаживать семейную жизнь.

А в семейной жизни, что думаешь, самое основательное? Самое главное это чтобы брюхо никогда не простаивало. Только у брюха нагрузка кончилась, глянь, и пошли перекосы. По всем направлениям, по всем участкам

движения. Это я много разов на себе испытал. Знаю. Досталось мне за свою жизнь с этим брюхом. Бывало, только очухаешься, жонка опять с заявлением: «Кузьма, мука кончилась!» Говорю: «Погляди внимательно!» — «Чего глядеть, все выгляжено. Затворить затворила, замешать нечем». Сижу, затылок скребу. Фунта полтора наскребешь, квашонку замешает. Три дня пройдет, она опять: «Кузьма, хлеб кончился!» — «Пеки пироги!» Плюнет на мой валенок, уйдет в куфню. Ухваты, слышу, нечередом брякают. Ухваты не виноваты. Надо, думаю, эту канитель прекратить. Разве дело? Перед сенокосом выбрал слободное время.

Выпилил три доски, выстрогал начисто. Сколотил из них полочку. Ушки из железа выстриг, повесил на видном месте. Бывало, только мука вся выйдет, я жонке шумлю: «Виринея! Время здря не тyani! Клади зубы на полку!» Слушалась. С этого лета у нас с ней ни лаю, ни ругани. Все конфликты разом отшибло. Живем дружно много годов. Деток вырастили. Кого хошь в деревне спроси, никто Бархвостовых деток не похает.

Немножко перетянули

Да, чего я тебе не рассказывал-

то... Вишь, при ней-то не посмел, а после забыл. Теперь ушла, проходит до паужны. Вот слушай, как я ей, Вирьке-то, косые глаза выправил. А чево? Не веришь — не верь, дело твое, хозяйское. Могу и не рассказывать. Я не навязываюсь. Чево — ладно, чево ладно? Вишь, сразу и Кузьма Иванович. Шестой десяток Кузьма Иванович! Я вашего брата всех слушал, не перебивал, пусть и меня послушают.

Дело было так. Помню, до того мне напостыло жить с косоглазой бабой! Лицом в одном направлении, глазами в другом. Кому хошь доведись, нелюбо. Выбрал момент, когда у нее чирей на шею сел. (А моя

Виринея чего больше всего любила в молодые годы, дак это глядеть петушинные драки. Бывало, все бросит. Глядит, который которому натюкает. Я уж в эти минуты к ней не касаюсь.)

Подговорил свата Андрея: «Ты, — говорю, — привяжи к петуховой лапе длинную нитку, а сам сядь за угол. Да и волокы его, петуха-то, в нужную сторону, когда раздерутся-то». Так и сделали. Ну сам знаешь, петух такое животное — всю жизнь только и норовит в драку. Чтобы своему же товарищу глаз выключнуть. Первый начал, который был на привязи. Налетел что вихорь. Тот сперва растерялся. Тут главное

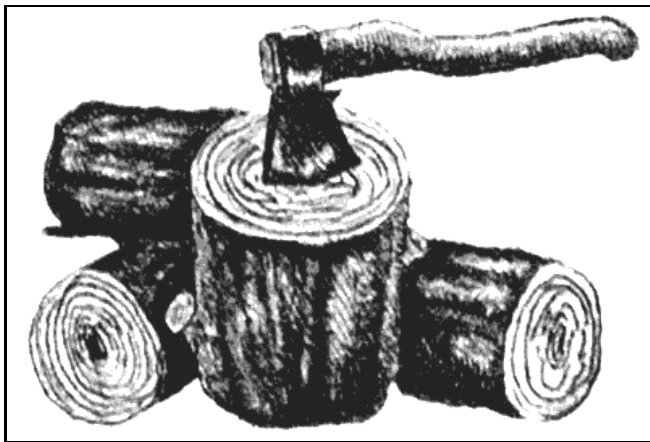
дело, кто первый начнет. Сцепились. Моя бежит, тут как тут. Петухи в азарт входят, без всякой пощады друг дружку молотят. Виринея глядит. Я свату рукой махаю: мол, давай начинай. Время. Сват петуха потащил. Виринея глядит, все на свете забыла. Драка в сторону, в сторону. Моя всем главным корпусом поворачивается: шей-то из-за чирья не повернуть. Я ногу подставил, другой ногой уперся. Плечом да кое-как, поднатужился, не даю ей поворачиваться-то.

Кричу свату Андрею: «Волоки, мать-перемать!» Он волокет, я Виринею держу. Она не успевает поворачиваться, да и чирей мешает.

Ну глаза-то у ее и пошли сами, поглядом, за дракой-то. Аж хрустнуло чево-то под переносицей. Сват Андрей кричит: «Хватит аль еще?» — «Я откуда знаю, я не доктор! Давай, — говорю, — еще маленько, на всякий случай». Он волокет, я бабу держу изо всей силы, глаза на лице выправляем. Как часовую стрелку переводим. «Стой, — кричу, — наверно, хватит, как бы не перетянуть лишка!» Сват петуха отпустил, драка сразу кончилась. Поглядели на Виринею-то: мать честная, совсем баба другая! Правда, немножко перетянули. Раньше направо косоглазила, теперь стала налево. А все равно с прежней

не идет ни в какое сравнение.

На свежем воздухе

Конечно, у нас с ней тоже были разногласия. Редко, но бывали, врать не буду. Она хоть и ударилась одно

время в политику, а на пользу это ей не пошло. Как была несознательная, так и осталась. Теперь уж не выправишь, это тебе не глаза. Надо было раньше.

Главная стычка вышла, когда вступали в колхоз. У нас в деревне все мужики за один вечер записались в колхоз. Мы все сорок хозяйств на собрание за полчаса ликвидировали. Установили одно большое и наиобщее. Собрание в полном разгаре. Дошло до дров. Обобществлять единоличные дрова или нет? Моя с собрания убежала. Я проголосовал и за дрова, чтобы не семь раз по месту, чтобы до утра здря не сидеть. Домой идем прямо и

гордо. На крылечко шагнул — моя ворота на крюк. Не пускает. Я к окошку — она на печь. Я опять к воротам — все как и раньше. Высунулась: «Неси леший! Ночевай в любом доме, для чего и колхоз!» Я говорю: «Виринея! Ты, — говорю, — подумай сама, что делаешь! Ну ладно, дрова общие, зато скоро чай будешь пить внакладку. Эко дело дрова! Нарубим!» Слышу, примолкла. Я приободрился, говорю: «Коров будешь доить воздухом!» Молчит. «Я на электрической вспашке». Чувствую, что слушает, а ворота не отпирает.

Я свою агитацию двигаю дальше: «Нам бы только до весны

продержаться, а там пойдет пожар по всем странам. По хлебным». Слышу, половица скрипнула. «Будешь ходить в розовой кофте». Идет, отпирает. На всякий пожарный случай добавляю: «Ребят родишь, растить не придется. Всех на государство сдадим, сами...» Не надо было этого говорить! Договорить не успел, ногу в притвор сунуть не успел, ворота опять хлоп. Слышу прежнюю реплику: «Неси леший! Домой не являйся! Я свои дрова на горбу по снегу таскала. Иди от избы!» Ну, думаю, все дело пропало, второй раз не откроет.

Ночевать пошел к свату Андрею. Сват Андрей сидит на крылечке. Время четвертый час ночи. «Чево?»

— говорю. «Да вот... вышел на свежий воздух». «Меня, — говорю, — тоже, это... Тоже вот покурить вышел!»

Устроили коллективный перекур на свежем воздухе.

Сдельная

Началась общеколхозная жизнь. Мою Виринею поставили в передовые доярки. Дали шестнадцать стельных коров. Я — на подвозе силосной массы. Только, бывало, подъезжаю к строенью, сразу кричу: «Виринея! Принимай груз!» Она уже бежит навстречу, от восторгу вся

розовая. Навильники у нее только мелькают. Ущипнуть не успеешь, ведра уже брякают у реки. Сапоги иной раз не на ту ногу обует да весь день так и бегают. В стенгазете ее хвалят, на слет везут в тарантасе. К моему прискорбью, спать перебралась на ферму. Я как адъютант за ней следом. Дом на замке круглые сутки. Все бы ладно, да сват Андрей подсатанивает: «Ты, Кузьма, только не отелись, гляди. Дело ночное, ошибиться недолго». Терплю. Трудодни нам с Виринеей не идут, а валят гужом. Накопилось под самую тысячу. Конечно, почету много, а толку наплакал кот. Говорю Виринее: «Пшеничников не пекла с

прошлогодней масленицы! Юбка на заднице держится святым духом — разве ладно?» — «Не твое дело, выхожу на большую дорогу!» Я и говорю: «Хорошо. Выходи. А мне надо платить налог, хозяйство записано на меня. Буду искать другой слой». Лошадь и сбрую передаю другому, складываю инструмент в котомку. Иду по деревням класть печи. В людях кормят как на убой, почету не меньше. Никто меня не торопит, под локоть не тычет. Утром чаю попью, фартук надену. Глину разведу теплой водой — осталась в самоваре. Кладу кирпичи да попеваю: «Во саду при долине». Сват Андрей мне завидует: «Тебе,

Баряхвостов, что, тебе полдела. Харч даровой, квартера готовая, возьми в помощники?» — «Иди». Он говорит: «Я бы пошел, да правление не отпускает. Вставай, — говорят, — в пожарники, и точка». — «Встал?» — «Пока нет, ждут фуражку». Ладно. Живем дальше.

Один раз я в колхозном овине сложил хорошую печь. На совесть, по последнему слову техники. Печь — что фабрика. Жаркая, не дымная. Работает как часы, простоит сто годов без ремонта. Рассчитались со мной по самой высокой графе, деньги наличными. Шесть овинов хлеба высушили, вдруг является сват Андрей. В фуражке. Спрашивает

бригадира: «Топится?» — «Как в аптеке». — «Разломать!» — «Почему?» — «Не разговаривать, даю сроку четыре часа!» — «Хорошая печь». — «Разломать! В противопожарном отношении». Печь потушили, оглоблями разворотили. Зовут опять меня: «Барахвостов, клади!» Я склал, приходит сват Андрей, дает команду: «Разломать! Дым идет не туда. По инструкции дым должен идти в левую сторону. У вас дым прямо вверх шпарит!» Оне ломают, я кладу. Дело идет без остановки. Работаем. Сват на окладе, у меня сдельная. Говорю свату: «Долго таким свистоплясом жить будем?» — «Да тоже, — говорит, —

поднадоело. А чего делать?» — «Не ломать. Остановиться». «Я, — говорит, — уж обращался к высшим инстанциям. Выполняй, — говорят, приказ и не рассуждай. Фуражка вам зря, что ли, выдана?» Я свату Андрею говорю в задумчивости: «Фуражка, оно конечно. Фуражка-то ладно, ты в ней как поручик. А я вон печи класть совсем разучился. Был печник как печник, стал неведомо кто».

Сват худому не научит

Да, право слово, совсем я разучился. В новой конторе склал печь, вышла очень угарная. Заседанье правления назначат — все члены через полчаса синие. От звону в ушах дребезжат стекла. Решенья принимают не те, бумаги путают. Все шишки на Барахвостова: «Ты уморил!» Я говорю: «Ребятушки, извините, пожалуйста, сам не знаю,

как получилось». — «Откуда в ушах звон?» — «Не знаю». — «Мы тебя, так-перетак! Видать, захотел на даровые харчи!» Я мастерком об пол: «Кладите сами!»

Недоимок у Барахвостова нет, налоги платил первым. Одно худо — в чужих людях. Домой придешь — корова не доена, Виринея на ферме, ребятишек собираешь, как пастух, по всей деревне. Один раз сел доить корову сам, своими личными руками. Корова от непривычки и возмущения без остановки машет хвостом. То по носу, то по глазам. Животное — что с нее взять? Я свата Андрея увидел, на жизнь жалуюсь: «Нет никакой силы-возможности! Доить пойдешь

— корова хвостом машет. Все глаза выхлестала». — «Ты вот что, — сват говорит, — ты к хвосту-то кирпич привязывай, да потяжелее. Хвост-от у нее огнетет, она и не будет махать». Сват Андрей худому не научит. Вечером пошел доить, сделал все точь-в-точь. Кирпич привязал, начал чиркать. Как она даст мне по голове-то! Кирпичом-то! Поверишь — нет, а я полетел, будто шти пролил. Лежу на назьму в бессознательном виде, сам думаю: «Не надо было свата слушать, надо было думать своей головой».

Вывернулась

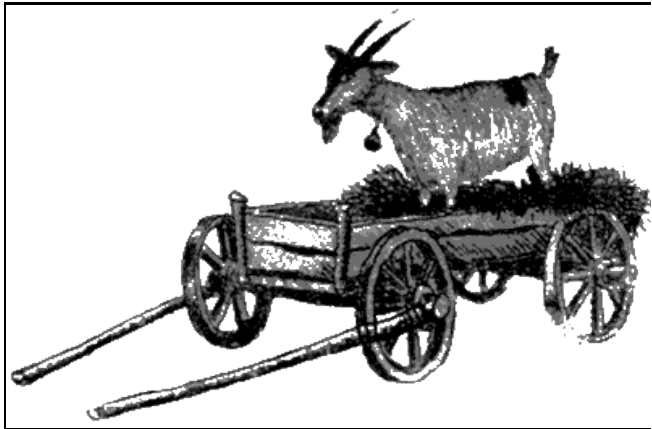
Я уже тебе говорил, что печи-то я сперва клал дородно. По всей округности жилых деревень печи в домах стоят мои. Только себе не мог удосужиться сложить хорошую печь, топили по-черному. Дым идет под потолок, в спецдыру. Эта дыра называется чилисник. Бывало,

замешкаешься, вовремя не закроешь — беда! Вся память, какая есть, вместе с теплом вылетает, остаешься при своих интересах. Со мной случалось такое дело много раз. Убей, ничего не помню, что было еще. В те годы. Помню только один случай. Как мы с Виринеей чуть-чуть не остались под открытым небом. При всех-то ребятишках. Летом забыли закрыть чилисник. А как раз поднялась гроза, пазгает во все стороны. Молния в чилисник-то и залетела. Залетела с огнем. Изба у меня враз загорелась. Огонь от грозы гасят коровьим молоком, знаешь сам. Простой воде этот огонь не под силу. У нас в ту пору коровы не было,

только коза. Кричу свату Андрею: «Как думаешь, от козы погодится молоко огонь тушить?» Сват за ухом поскреб: «Ежели не больно жирное, так сойдет!» Ладно. Запрягаю, еду в поскотину, пастуху ставлю пол-литра. Так и так, животное требуется дома. Козу пулей привожу домой. Подоили, пожар в избе потушили. Еще бы немножко, крыша бы занялась. Видишь, как матица-то обгорела? Не видно, заклеила Вириная бумагой. Моя Вириная меня же и ругает, а я спрашиваю: «А чем корова лучше козы? Ведь будь тогда в нашем хозяйстве корова, разве бы я успел в телеге ее домой привезти? Да ни в жизнь! Эдакую-то тушу. Сидели

бы, — говорю, — без квартиры, на чужих бы подворьях с ребятишками маялись». Баба есть женщина, женщиной она и останется. Недовольна. Говорит: «Чем козу держать, так лучше никого не держать. Молока доит по фунту, да и то козлом от него так и разит». От молока-то. «Почему я не слышу?» — «Потому, — говорит, — что куришь, вот и не слышишь». Вишь, как вывернулась. Вышла из положенья.

Нервы сдали

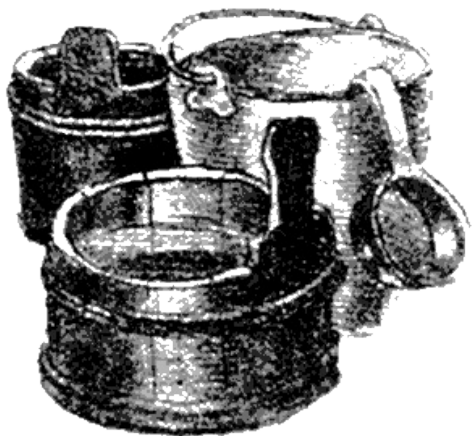
Конечно, с одной стороны, коза — животное очень экономная. С другой стороны, и Виринею тоже можно понять. Как человека. Уж больно эти козы любят блудить. Чуть что, и несут на них жалобы. Лезут везде, и особо туда, куда нельзя. Куда лезть, туда никогда и не лезут. Что за

скотина?! Помню, только сядешь газету почитать (я уже тогда сидел в бригадирах), только сядешь, выберешь время, глядь, уж бегут: «Кузьма Иванович, твоя коза озимь щиплет!» Была бы озимь своя, наплевать. А озимь колхозная, коза своя. Да ведь еще и бригадир-то ты! Ну ладно. Это было после, а я говорю, как было до этого. Думаешь, почему мы козу завели? А потому, что с коровой совсем согрешили. Не стало никакого терпенья, нервы сдали. Всем была корова добра и доила по пуду. Бывало, подойдет ко крылечку, все понимает, только не говорит. Пока отдельно пасли, все шло хорошо. Как только стали пасти

всех коров вместе, начала портиться. Избаловалась, дисциплины не признает. Бодаться выучилась, рога то и дело ломает. Скакать привыкла чуть не до князька. Начала перенимать худые привычки. Бывало, только подоишь (хвост я к ноге привязывал, обходился после без кирпича), только подоишь — молока полный подойник. А она, шалава, что делает? Она заднюю ногу поднимет да в подойник-то и обмакнет. Еще и побулькает в молоке-то. Ногой-то. Вот до чего дело дошло! «Нет, девушка! — думаю. — Так у меня ты скоро отвертишься. Первую партию вон уж на мясопоставку угонили». Все! Решение мое твердое. Заодно и

от молоко-поставки освободят. Эту
сгонили на государство, купили
другую. О двух сосках. Бородатую.

Нет худа без добра

После этого у нас с Виринеей что ни день, то арабский конфликт. Почала меня точить: «Все люди как люди, одне мы с козой маемся». — «Виринея! Поимей совесть, не

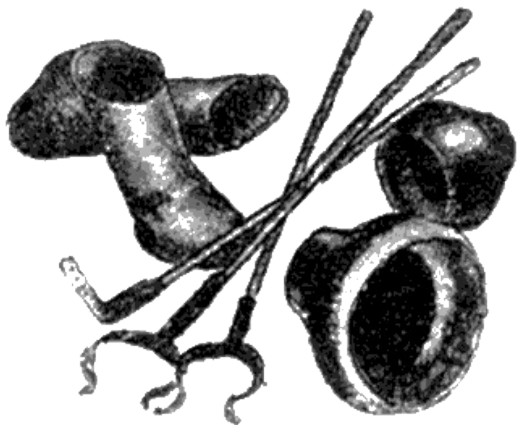
говори не дело». — «Чево не дело, чево не дело?» Молчу. Ругается. Составляю план своих действий. Складу-ка я ей новую печь! Может, и остановится. Печь сделал на совесть. Первый день вроде поуспокоилась, на второй совсем хорошо. На третий — хуже прежнего, начала точить с новой силой. А к этому время все тараканы от свата Андрея перебежали к нам на квартиру. Как узнали, что печь у меня новая, теплая, так один по-за одному к нам. Худа без добра не бывает. Жена на полатах ночует. Я внизу за печью. Как только начинает меня точить, я потихоньку да помаленьку валенки обую, да ко двери, да прямиком к

свату Андрею. Дома Вириная меня точит. Тараканы за печкой усами шевелят, шабаркаются. Она и думает, что это я живой, точит и точит. А меня нет. Она точит. Все тараканы через неделю обратно! Утром возвращаюсь от свата, гляжу — рыжие бегут. На прежнюю квартиру. Кто где, прямо по снегу. Друг дружку перегоняют, толкаются. Я кричу: «Чего мало погостили?» Домой прихожу — изба чистехонькая.

Что-то, паря, у меня худые пошли бухтинки-то. Нескладные. Про тараканов вроде не все сказал. А чего — вспомнить никак не могу. Памяти мало стало. Говорил я тебе, что память-то у меня вместе с угаром

вышла? С тараканами делов было больше, это я хорошо помню. Вот только забыл в точности, какие случаи. Ну ладно, шут с ними. С тараканами-то.

Пошли как новенькие

Про войну не буду и сказывать. Все равно никто не поверит. Ведь что за народ нынче! Бухтины гнешь — уши развесили. Верят. Начнешь правду сказывать — никто не слушает. Вот и тебя взять. Чего

ухмыляешься-то? Правда, она что
ость в глазу. Сидишь втемную,
зажмуря глаз, — не больно. Как
только глаз откроешь — колется, хоть
ревом реви. Так и сидим, никому
глаза открывать неохота.

На войне я до самой Праги шел
цел-невредим, на Праге вышла
оплошка. Шарахнуло. Домой
отпустили — ноги разные, одна
короче другой. На пять сантиметров.
Иду со станции с клюшкой,
переваливаюсь. Сел покурить. Мать
честная! Гляжу — сват Андрей. Тоже
вроде меня, ступает на трех ногах.
«Здорово, сват!» — «Здорово!» —
«Тебя куда?» — «В левую. А тебя?»
— «Сам видишь, заехало в правую».

Сели, поразговаривали. Сиди не сиди, а домой надо. Пошли. Оба хромые, ничего у нас не подается. У его левая нога короче, у меня правая. «Сват, — говорю, — а ведь нам эдак домой к ночи не попасть». «Не попасть». Идем дальше. Сват говорит: «Знаешь чего?» — «Чего?» — «А давай ногами менять. Я тебе свою окороченную, ты мне свою длинную. Мы потому тихо идем, что ноги разные у обоих». Я подумал, подумал, махнул рукой: «Давай!» Сменялись. Я ему свою ядреную, он мне свою хромую. У обоих хромоты как не бывало. Костыли и клюшки полетели в канаву. И пошли мы как новенькие. «Ну, — говорю, — и

голова у тебя, сват! Еще хитрей стала, после войны-то. А у меня, — говорю, — вроде и остатный умишко из головы выдуло. Ведь мог бы сменяться еще в поезде, мало ли нашего брата, хромоногих-то».

Домой пришли как раз к самоварам.

Не в строку лыко

В мирные дни у нас с Виринеей пошла на свет свежая ребятня. Откуда, дружок, что и взялось! Иной год по два-три. Первое время я в сельсовет ходил, записывал каждого четко и ясно. После и записывать отступился, принимаю на домашний учет. Один раз оглянулся назад-то,

так меня в жар и кинуло. «Виринея, — говорю, — остановись! Остановись, Виринея! Я за себя не ручаюсь, могу умереть в любой момент. Дело не молодое». От моих указаний никакого толку. Все идет по прежнему графику. Пробую убедить с позиции силы — для себя еще хуже. Против меня все права, все уложения кодекса. Ну!.. Шесть пишем да семь в уме, не знаю, что и делать. Сват Андрей придет, начнет пересчитывать: «Первый, второй, третий... Стой, Барахвостов, одного нет! Не знаю только, девки аль парня». Отвечаю: «Посчитай еще, с утра были все на месте. У меня с этим делом строго». — «Одного

нету». — «Должен быть, возьми глаза в руки. Ты, — говорю, — всю жизнь живешь по своей арифметике». «Это по какой?» — «А по такой! У тебя вон всего двое, да и те довоенного образца. А ведь харчи-то были не чета нынешним». Тут уж свату Андрею крыть нечем. Соглашается. «Пожалуй, — говорит, — правда. Ты, Кузьма Иванович, молодец. А вот ведь медаль-то выдали одной Виринее, разве ладно? Уж ежели она мать-героиня, дак и отца не надо бы обижать». Я, конечно, умом-то с ним соглашаюсь, а сам не уступаю: «Нет, сват, неправильные твои слова. Может, говорю, — мущина-то был в

этом деле не один, а с помощниками. Откуда правительству знать? Есть, — говорю, — и такие, любители на чужом горбу в рай заехать. А уж насчет медалей-то я знаю много всего кое-чего».

Да. Перед сватом-то я, конечно, свою марку держу. А как дойдет дело до зимы... Ох, товарищ, это прямо беда! Без бухтин, говорю, не в строку лыко. Лето-то еще ничего; босиком да на подножном корму — вроде и ничего. А как полетят белые мухи... Ну, ешкин нос, вспоминать неохота, шабаш! Шабаш, паря, шабаш! Вириная! Ставь-ко, матушка, самовар, жареной воды выпьем. Три раза с утра пили? Ничего, попьем и

четыре. Неси пироги! Все до последнего! Из шкапа, из печи, из погребца и с повети — все харчи волоки! Хоть теперь поедим.

Тема третья

*(На ту же тему, что и
вторая)*

Без мяса не живал

Кто скажет, что Барахвостов худой мужик? Нету таких в нашей деревне и не будет. Может, где в других деревнях и есть, а в нашей нету. Нет, Барахвостов мужик не худой. И спорить нечего. Хвастаться не люблю. Ежели желаешь, расскажу лесные бухтины. До этого шли полевые, теперь пойдут лесные. Лес — первый друг каждого человека. Вот и у меня тоже вскорости началась новая лесная эпоха. Осенью дело, сию подшиваю валенки. В избе несметный содом. Штурм

Берлина. Мои гвардейцы шумят, пищат на разные голоса. Все шубы вывернуты, табуретки кверху ногами. Вдруг слышу новый голос. Спрашиваю: «Виринея, а это кто?» — «Ох, этот кабы сдох!» Сама ведро схватила да в хлев. Я зову: «Кабысдох, Кабысдох, а ну-ко беги поближе!» Не выходит. «Ребята, волоки!» Мои санапалы рады стараться. Выволокли из-за печки нового зверя. Гляжу — лапы ухватом, глаза разные. Одно ухо висит мертвым капиталом. «Откуда? — говорю. — Чей будешь?» Мои мазурики кричат: «Ничей! Ничей!» Спрашиваю своих штрафников: «Кабысдох аль Ничей, говори

точней?» Зашумели: «Кабысдох! Кабысдох!» — «Ну вот, так сразу и говори». А он хвостом мелет, лапами топотит. Породы, конечно, не разобрать, а глаза острые. «Чем, — спрашиваю, — кормиться будем?» Молчит. Ладно, говорю. Сделаем на первый случай ошейник. К лету, смотрю, вырос. Ростом не больно велик, а слово чувствует. Восторгу и лаю лишковато, зато свой. Собака в доме есть — ружья нет. Покупаю в сельмаге берданку. Кабысдох проворнее час от часу. Научился обчищать соседские лошаки. [\[4\]](#) Подкладыши оставлял, а свежие яйца волокет домой. Правда, без внутренностей. Сват Андрей по

деревне жалуется: «Яишницы не хлебал с Октябрьской. Для чего шесть штук кур держу?»

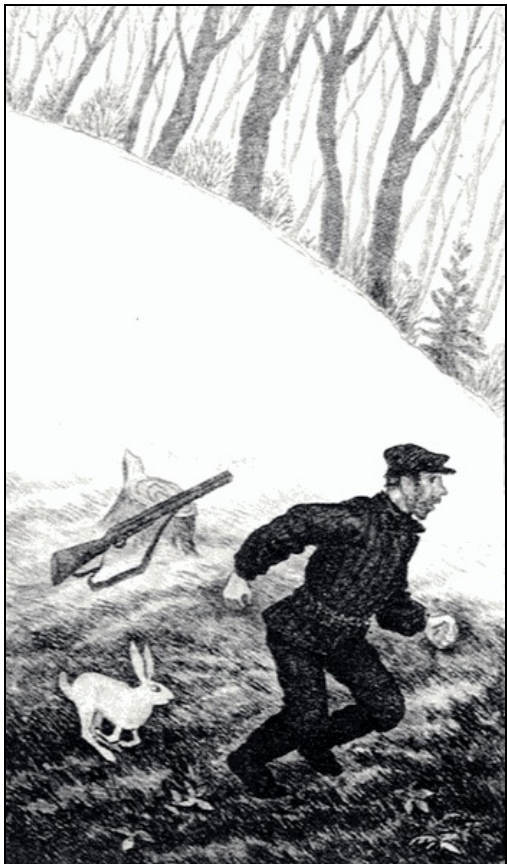
Терпи, сват, еще не то будет! Бери пример с меня, покупай берданку. Утром, бывало, только свистну, Кабысдох тут. До лесу идем нога в ногу. Дальше — я вперед, он обратно в деревню. «Кабысдох, Кабысдох, — кричу, — ты что? Разве дело — бросать хозяина?» Шпарит домой, не оглядывается. По лесу хожу один.

Врать не хочу, спервоначалу ходил зря. Домой носил одни грибы. Лесная сноровка появилась намного позже.

Птица или там зверь, оне ведь

что? Оне тебе тоже не лыком шиты. Одне летают, другие бегают. Так я, дружок, приноровился тетер-то привязывать к пенькам. Веревочек изо льна насучил. Пойдешь напривязываешь, оне и пасутся вокруг пеньков. Клюют ягоды. А на другой день ходишь, да только постреливаешь. С подходу, не торопясь. Верное дело. Припасу немного шло, и устанешь не шибко. Без мяса не живал.

Повезло

А сват Андрей и тут позавидовал. Купил ружье четырнадцатого калибра. С рук. В лес идем вместе со сватом. Мой Кабысдох увидел, что нас двое, осмелился тоже.

Пришли в лес. Кабысдох у пенька справил свое дело, обнюхался. Я говорю: «Кабысдох! Пора жить по-сурьезному. Ищи!» Хвостом вильнул и сидит. Глядит прямо в нос хозяину. «Ну чего? Сказано — ищи!» Тявкнул, подпрыгнул и опять сидит. Глядит. Сват Андрей встал и говорит: «Пустое дело. Ничего ему не внушить». — «Как так?» — «А так. Не понимает ни уха ни рыла».

Котомку за плечи, пошел сват в своем направлении. Я сижу на валежине. Закурил табаку: «Ну, что, — говорю, — станем делать? Так и будем жить зимогором? Нет, брат, я тебя кормить не намерен...»

Вдруг — заяц. Через кочки и лядины перемахивает и прямо на нас. Мой Кабысдох на зайца никакого внимания. Сидит, будто и дело не его. «Беги, говорю, — хоть поздоровайся! С зайцем-то!» Хвостом виляет, глазами мигает. «Ну, — думаю, — ты и дурак! Только тебе и дела, что воровать яйца. Больше ты ни на что и не гож. Иди домой! Иди, иди и не останавливайся!» Я ружье на кочку положил, за зайцем побежал сам.

Ноги-то были не то что теперешние. Гоню его, косого, гоню и чувствую, что все пары сейчас кончатся. Кислороду в обрез. Остановился, кричу зайцу-то: «Давай, паря, отдохнем, больше не могу!» Отдохнули маленько, оба отпышкались. При моей семье много сидеть некогда. Встал. «Посидели, — кричу, — и хватит! Время дорого, надо бежать!» Побежали. Заяц от меня кругами, а я приноровился да пошел напрямую. Не заметил, как обогнал. Гляжу — нет зайца-то. Оглянулся, а он сзади меня, шпарит по моему следу. И тут — что ты думаешь? — тут мой Кабысдох увидел такое дело — и на меня! С

лаем!

Вот ведь, сучий сын, скотина! Облаял по всем правилам. Гонит меня и гонит, чуть не за пятки меня. Я впереди бегу, кобель за мной, а заяц идет по нашему следу. Вот так, думаю, охота! Хорошо хоть снегу нет! (Дело было по чернотропу.) Ну да рассуждать головой — не тот момент. Бегу. Заяц за мной, а мой же кобель меня травит. Что делать? Пошел я тоже кругами, начал след запутывать. Кое-как да кое-как со следа Кабысдоха сбил. Очухался в какой-то болотине. Притих. Еле отдышался, а после выбирался полдня. Из болотины-то. Пошел за ружьем. Встречаю свата Андрея. Ну,

думаю, теперь не сгину. Рассказал ему, как было дело. Сват сперва не поверил. После вместе со мной охает: «Ну, Барахвостов, тебе еще повезло! Заяц, видать, молоденький, не больно проворный. Им, — говорит, — надо было тебя гонить-то не к болоту, а ближе к поскотине. Там бы тебе и капут, на ровном-то месте».

Вот, брат, какие судьба иной раз повороты делает. И самому дивно. Мой Кабысдох домой явился раньше меня, будто ничего и не было. На таких собачаров и надеяться нечего. Только хлеб едят, да в глаза глядят, да хвостом юлят. Сами того и гляди обманут.

Купим новую

Вот ведь не согласишься, а все равно расскажу. Был у меня один знакомый медведь. Истинно говорю. Каких только знакомых у меня не было, за жизнь-то. Этот был самый

памятный. В какой мы с ним дружбе жили! Гостились одно время. Самостоятельный был, покойная головушка, век не забыть. Не веришь? Э, брат, в нашем лесу и не то можно увидеть. Бывают и почище события. Люди говорят: «Ты, Барахвостов, весь изоврался. Вомелы.^[5] Ни одному твоему слову верить нельзя, у тебя что ни слово, то и бухтина». — «Хорошо, — говорю. Согласен». Я тоже не святой, иной раз немножко прибавишь и от себя. Промашки бывают, не скажу. Число, бывает, перепутаешь, за имена тоже не ручаюсь. А в основном и главном — сущая правда. Бывало...

Да. Так вот насчет медведя.

Осенью ходил я на лабаза. [6] Один. Мой Кабысдох заболел, объелся пареной брюквой. Одну зарю сижу, другую. Сидишь, сидишь да и про медведя забудешь. Птичек слушаешь. Помню, с лабазов слез, пошел домой с песнями. Чекушку ополовинил. Иду по пустоши, пою. Вдруг навстречу медведь. «Стой! — кричу. — Шаг влево, шаг вправо считается побег!» Он поглядел да как начал в меня плевать! Я одной рукой вытираюсь, другой наставляю ружье. Ружье оказалось незаряженным. Медведь меня маленько помял, отступился. Вспотел. Ружье за дуло схватил да как даст о березу! Берданка вдребезги. Сам пошел в лес. Я сижу

на дороге, в траве щупаю. Оборвал, охломон, все пуговицы. Кричу ему: «Стой, не ходи! Давай посидим в открытую!» Не слушает, идет все дальше, только треск стоит. Я опять: «Воротись! — говорю. — У меня есть маленько, вроде не вся пролилась». Слышу — сучки трещать перестали. Видать, сделал остановку. «Ей-богу, немножко осталось!» Слышу — идет обратно. Подошел, сел задним местом около меня. Все еще глядит в сторону. Я ему чекушку подал, он выпил прямо из горлышка. Лапой машет, от хлеба отказывается: мол, хорошо и так, без закуски. Я остаток допил, спрашиваю: «Вот ты всю зиму спишь, не кушаешь. Хлеба

тебе не надо. Как это у тебя ловко выходит? Мне бы со своими так выучиться». Лапой, как человек, отмахнулся: мол, завидовать нечему, всю зиму крючком. Тоже не сладко «Не куришь?» — спрашиваю. Мордой мотает отрицательно. Я опять за свое: «Открой секрет. Семья, — говорю, — большая, на всю зиму завалились бы, любо-дорого». Он встал, подошел к березе. Собрал от ружья все щепочки. Дуло там, накладку. Вижу — щепочку к щепочке прикладывает. Говорю: «Шут с ней, наплюнь! Купим новую». От дороги подальше отошли, сидели до темной поры, в магазин бегал два или три раза.

Миша-хыщник

С этим медведем одно расстройство. Трезвый, медведь как медведь. Муху не обидит, не то что там корову или теленка. А как выпьет... Сам знаешь, останавливаться не умеем. Сперва вроде немножко, чуть разговеешься, после черепяшечку дернешь дополнительно. Ну а потом пошло-поехало. Все тормоза отказывают, от восторга души поим всех подряд. Сами принимаем всякие новые образы. Шапки теряем. Говорим все что надо и не надо. После каемся.

Тот медведь пил всю осень, до самого снегу. Берлогу искать не стал, от зимней спячки наотрез отказался.

«Миша, — говорю, — подумай ты головой! Войди в чувство, остановись! Вон у тебя уж и глаза посинели, глядят не в ту сторону. Похудел весь, морда опухла. Долго ли до греха? Попадешь в больницу. Либо и совсем на дороге замерзнешь». Рыло вниз опустит, молчит. Соглашается. А что толку? Люди пошли совсем бессовестные, спаивают медведя нарошно. Сушняку воз наломает^[7] — ему стопочку для начала. А после, с пьяным-то, делай что хочешь. Дрова ломает, считай, бесплатно. Ну, зиму он кое-как перекантовался, дожили до весны. Он подрядился в пастухи за сорок трудодней в месяц, на своих харчах.

Сперва коровы его боялись, убегали в деревню. После попривыкли, дело пошло. Я ему барабанку выстрогал да две колотавочки. Барабанить выучился дородно. Бывало, по лесу идешь, слушаешь. Любо сердцу. Лето пропас чин чином. А зимой-то что медведю делать? Зимой ему положено спать. Этого спать отучили.

Отчетный год у нас все время после Нового году. Пошел, сердешный, по миру собирать милостыни. В избу зайдет, у дверей встанет, кое-как перекрестится. Сперва по своему колхозу ходил, потом вышла бумага, чтобы всех нищих ловить и сдавать в сельсовет.

Чтобы не тунеядствовали и всяких слухов по народу не разносили. Он и ударился в другую округу. Да так и пропал, больше я его не видал. Говорят, видели где-то на волоку. Потом прошел слух, что он спать лег да уснул чередом, в берлоге. А будто бы из центра прикатили охотники-любители. Окружили его со всех сторон. Шестнадцать лбов. С огнестрельным вооружением, и все на одного медведя. В газете была заметка «Уничтожили хыщника». Это Мишка-то хыщник? Уж я, грешный человек, тогда и поматюкался...

Говорят: рыба да рябки, потеряй деньки. Что верно, то верно. Пока в этом деле найдешь слой, проходит большое количество дней. Всякая рыба имеет свою линию судьбы и свой подчёрк жизни. Взять тех же ершей. Нынче их прозвали по-новому — хунвейбины. Раньше эту шпану

тоже называли двояко. Лезут везде, куда ни сунься. Большие их тысячи и мельёны шастают по самому дну. Едят чужую икру и зародышей. Все скользкие и колючие. Иной раз пролежит на воздухе целый день. Все, думаю, этот сдох навек. В воду опустишь, а он и мертвый щеперит перья. Отмокнет и пошел ныром в самую глубь. Воскрес, каналья! А ведь много часов лежал на свежем воздухе. Другой бы давно протух, этот стал еще настойчивее.

Сорога — та против ерша не устоит по всем пунктам. Хоть и хитра, а глупое место, клюет подамски. И хочется и колется. Червяка отщипывает по кусочку. С виду

блестит, а телом слаба. Сорогу по клеву узнать очень просто, как и окуня. Этот фулиган и дурак. Налетает без разговору. Крючок заглатывает в самое нутро брюха и летит дальше. В это время его волокут наверх.

Так вот, братец, я хоть и сделал себе хорошую уду, а ловил по своему новому способу. Как? А так. Пока с удой-то сидишь, борода вырастает на полвершка. Весь итог — котелок ухи. Так я сократил все привычные сроки. Наша река летом пересыхает. Остаются глубокие рыбные омуты. Я камни к берегу накатаю, огонь растоплю до самого неба. Камни эти все докрасна накалю, потом

колышком в омут знай спихиваю. Пару, жару, конечно, много. Каменья-то шипят, по дну разаются. Ну, да ничего, терплю. Омут с рыбой за полчаса вскипятишь, за народом в деревню сбегаете. Хлебают да крикают. Меня нахваливают: «Ай да Кузьма Иванович! Ай да Барахвостов! Вишь, опять что для народа придумал!» Бывало, целое лето кормишь всю деревню. Коллектив для меня на первом месте. Ели уху ежедневным образом, еще и оставалось. Остатки, правда, съедали сами, сразу же. Кабы рыбнадзор не такой строгий, варили бы уху до сегоднего лета.

Волчья подкормка

Народ меня всегда уважал. Большой и маленький. Которое — за бухтины, которое — так. Один сват всю жизнь упрямится, на людях моего авторитету не признает. Двое сойдемся — нет мужика обходительнее. А при народе глаза в землю. Не глядит, только пышкает, вроде бы обижается. А на что обижаться-то? Я не виноват, что у меня голова по-другому устроена. Как погляжу — сразу вижу, чего делать.

Бывало, в наши колхозные уголья пришли откуда-то волки. Напустились беда! Что ни день, то

овцы нет. А то и двух. Никакого от них спасу, патрашат^[8] как супостаты. Руководство — ко мне: «Барахвостов, выручай! Не знаем, что делать. Ежедень по две головы списываем, государству убыток!» «Дайте подумать». — «Чего думать? Думать некогда». — «Ладно. Срочно соберите артельное собрание!»

Собрались все в одну избу. Беру первое слово: «Безобразничают? Да, безобразничают. Зорят? Да, зорят. Вопрос: почему зорят? Потому зорят, что жрать хотят. Бескормица. В поскотине зверю что есть? Нечего. По голове в день списываем».

Предлагаю установить для волков подкормку. Резать по четыре

ярушки в день и выдавать волкам бесплатно. Сказал, сел, носовым платком лоб вытер. Вижу, проголосовали единогласно. Только сват воздержался. Решили записали. Стали каждый день резать по четыре овцы и возить в лес. Волки буянить враз перестали. В лесу стало спокойно. До того стало спокойно, что и мой Кабысдох осмелел, бегал до ближней речки. Нет, что ни говори, без меня бы пропали. В колхозе-то. Намаялись бы.

Любо-дорого

В каждый прорыв —
Барахвостова. Бывало, чаю сядешь
попить — бегут. Посылали больше
ребятишек: «Дядя Кузя, зовут!» —
«Кто?» — «Требуют». — «Да куда
требуют-то?» — «В контору». Все
бросаю, иду. В конторе накурено не
больно и мало. Дым ходит поэтапно,
от пола до потолка. Здороваются об
ручку. Стул подставляют, воды из

графина наливают. «Так и так, Кузьма Иванович, вожжей нет». — «Чего?» — «В район выехать — вожжей нету». — «Дайте подумать». А чего думать? Была бы смекалка — додумались бы и сами. Прошу выделить рабочую силу, трех жонок. Утром до свету иду с жонками в лес, обирать с кустов паутину. Паутины насобираем, бечевки из нее напрядем. Из бечевки навьем веревок. Поезжай куда хошь, любо-дорого!

Приходит из центра директива насчет поголовья. План поголовья не выполняем из года в год. Что делать? Зовут Барахвостова. Говорю: «Ладно. Выручу». Опять же в лес. Лосей назаманиваю, открываю лосиную

ферму. Дополнительно. Доим, сдаем на мясо. Планы во все годы перевыполняем. Только и стоит: рога у лосей опилить! Сену — экономия, грубым кормам — само собой. Коровам стало нечего делать, телиться разучились.

Весна подходит. Удобрения выкупить — денег нет. В кассе — безвоздушное пространство. Тыркмырк, опять к Барахвостову. Я деревню поднимаю. Берем ведра, фляги и топоры. Лес — под боком. Берез наподрубаем, соку нагоним. Срочно везем во флягах в райцентр. Открыли свой ларек с вывеской «Березовое ситро» колхоза такого-то. Меня — главным директором. Утром

замок открою, Кабысдоха от скобы
отвяжу, фартук надену. Начинаю
торговать. Сорок две копейки
кружка. Мужики с похмелья пьют,
похваляют. Крику этого: «Без
очереди не выдавать!» Милиция
конная. Толкаются. Казенные
напитки никто не берет. Жалобы в
типографию. Дело доходит до
Москвы. Раз — и прикрыли! Говорят,
перебиваем дорогу общей торговле.
Ну, да не больно и обидно. Ситро все
кончилось. Последнюю флягу
распотчевал начальству, денежки
пересчитал и домой! Только меня и
видали.

Деньги сдавал в кассу все, до
копейки. За хорошую работу колхоз

выдал премию. Берданку и
патронташ.

Четвертая тема

*(О том, как Кузьму
Ивановича выбрали в
бригадиры и чем всё это
кончилось)*

Первая попытка

Наша деревня часто оставалась без бригадира. Регулярно. Почему? Установить трудно. Причины были всякие и разные. Этот в леспромхоз уедет, этот сопьется. Многих переводили на повышение, другие умирали совсем. Снимали и за непочтение родителей. Сперва руководство переходило из рук в руки. Потом дожили до тупика: в бригады выбирать некого. Собираем общее бригадное. Бабы разнесли тайну колхозного правления задолго до собрания: Барахвостова в

бригадиры! Чувствую и сам, что гроза поворачивает на меня.

Первая попытка. Я что делаю? Я на собрание не иду, забираюсь в пустой погреб. Знаю такой закон: без наличия личности голосовать не имеют права. Сижу. Собрание тоже сидит, ждет Барахвостова. Час сидим, два сидим. Три сидим. Я начал задремывать. Летом в погребе прохладное дело. Тихо и сухо. Вдруг приходят прямо на дом. Виринея хоть и подговорена заранее, а все равно тревожно. Слышу разговор: «Где хозяин?» — «Сама не знаю, с утра мужика нет! Видно, на охоту уполз». — «А почему берданка, колхозная премия, на гвоздю?» Баба

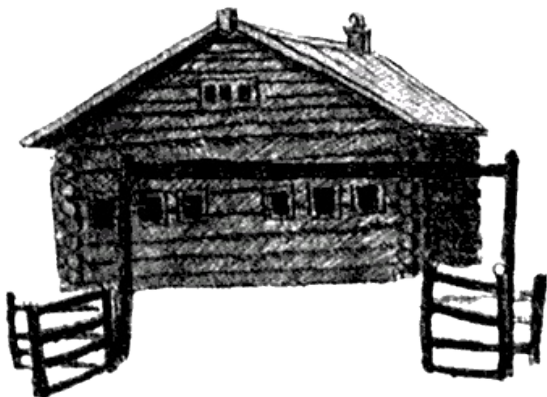
подрастерялась. (Где дак оне уже больно востры). Народ к ней с приступом: «Подавай мужика!» — «В избе дак нету». — «Как — нет? Берданка тут, и он тут. Вот и фуражка тоже тут!» — «Где?» — «Да вон фуражка-то, вон!» Я не стерпел, кричу: «Мать-перемать, эта не та фуражка! Эта фуражка праздничная, а та фуражка вот эта. На мне которая! У Барахвостова, слава богу, фуражек хватает!»

Не надо было сказываться! Из погреба подняли на руках: «Кузьма, мы тебя выбрали в бригадиры!» — «Не имеете права». — «Кузьма Иванович, единогласно!» — «Выношу самоотвод, голосование

недействительно». — «Принимай бригаду!» Вижу — не выкрутиться. Попался. «А кто печи класть будет?» спрашиваю. «Печи класть можно по совместительству». Всё. Аргументы кончились. На лавку сел, голову вот так руками зажал. Что делать? В минуту опасности? Делаю последние легкие вздохи: «Товарищи колхозники, меня на эту должность нельзя». — «Почему?» — «У меня болезнь, привез из Германии, после войны. Не хотел говорить, сами вынудили». Притихли. «Какая болезнь-то?» «Нельзя мне с коллективом, болезнь заразительная». — «Как название?» «Название, — говорю, — этот...

эта... ну, хавос. Хавос сердца». — «Хавос?» «Да. Передается через карандаш и бумаги». Вижу — подействовало! Расписал все по порядку, где и как эту болезнь подхватил, как вся наука много лет против нее действует и ничего сделать не может. Повздыхали бабы, да и отступились. В бригадиры выбрали свата Андрея.

По новой системе

Сват не глупей меня, долго не насидел. Сняли за провал весенне-кукурузной кампании. Выплывает вторично моя многострадальная кандидатура. С хавосом теперь дело не выгорело, потребовали справку от местной медицины. (Кто свата округ

пальца обведет, тот трех дней не проживет.) Увидел меня и говорит: «Нынче ты, Барахвостов, не отлытаешь. Хватит тебе дезертировать-то. Выберем. Погляжу, чего запоешь».

Махнул я на все рукой. Принял должность по акту, говорю на собрание: «Вот что, бабы и граждане! Ежели поставили, дак у меня чтобы слушаться и пустяками не заниматься! Будем поднимать бригаду!»

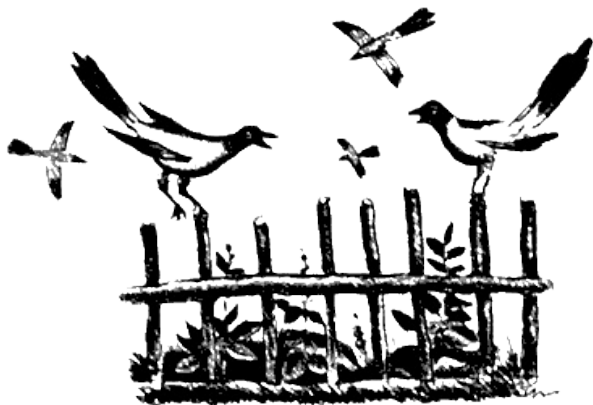
В каждом деле надо находить главное звено и центр притяженья: первым делом завел документацию. Толку мало. Установил штрафовальную таблицу и

распорядок дня. Сдвигов нет. Организовал наглядную — никаких перемен к лучшему! Что за притча? Иду на риск и принимаю такое решение: постепенно все рабочее поголовье людей перевести на должности. Ежели человек на должности, у него другая ответственность и новый угол подхода. Решаю: всех людей до сенокоса перевести в начальство, другого выхода нет. Сказано сделано. Перестройка заняла меньше трех недель, всю деревню быстро перевел на новую систему практики. Рядовых колхозников нет ни одной души. Смотрю народ не узнать! Шкала материального уровня сразу шагнула

вверх: сельпо не успевает завозить лисапеды. Избы подрубаем, крыши перекрываем. Ребят рассылаем по институтам, самым грудным — детские ясли. На каждого члена семьи — сберегательная. Очень хорошо пошла жизнь в деревне моей бригады! Люди со мной и раньше здоровались, теперь от теплых слов нет отбою. Идешь по делам. Останавливают прямо на улице: «Кузьма Иванович, благодарим!» «Не моя, товарищи, заслуга, не моя». Один сват мной недоволен. Глядит быком. «Так-то, — говорит, — и я бы мог, дело нехитрое». — «Не бы, — говорю, да не кабы, так на шестке росли бы грибы. Тебе-то, сват, кто

мешал головой думать?» Свату
сказать нечего. Окурок в землю
затопчет, пойдет домой.

На первом месте

Конечно, личная жизнь в бригаде пошла лучше, не скажу. Колхозники-то мной довольны. А как быть с верхним начальством? Продукцию-то давать мы совсем перестали, планы подъема висят в мертвом воздухе. Ее благородие, королева, на полвершка из земли вылезет, дальше хоть тащи ее за уши.

А все ж таки я тебе скажу честно. Бригада все время держала первое место. Переходящий вымпел из рук не выпускали: три года лежал в моем шкапу. Каким способом? Очень просто. В соревнованье голова нужнее всего. Я, бывало, наряд сделаю, баб распределяю. Сам иду по соседским бригадам. Под видом

неотложного дела. Соседские пашут, ты — к ним. Товарищи, дайте закурить! Где одна сигарка, там и две; где две, там третьей не миновать. Стекаются. Пока курим, я какую-нибудь жиденькую бухтинку и расскажу. Народу станет больше, я бухтинку поволожнее. Все скопятся, пускаю тяжелую артиллерию. Лошади дремлют, плуги в земле. Народ слушает. Я заливаю бухтины, одна другой чище. Люди на лужке то в покатушку, то сидят смирно, от изумленья шеи вытянули. Как журавли. А мне это и надо, бригада не моя. Лошади дремлют, плуги в борозде. Весенний день год кормит.

Солнышко за полдень, а я еще не

почал с картинками. Лошади оглядываются, солнышко к земле. День долой, суседушки пальцем не ворохнули. Вечером схватишься да бежать: «Ох, так-перетак, засиделся! Извините, пожалуйста!» Утром наряд сделаешь, идешь в противоположную сторону. Так и ходишь все вёшное.

Мои бабы — худо ли, хорошо — понемножку тюкают, шабаркаются. Суседи сидят, мои бухтины внимательно слушают. Бригада Барахвостова вырывается вперед.

Передовики в любой кампании. Грамот навыдавали — обоев покупать не надо. Картин живописи тоже не требуется. Не изба, а музейная редкость.

Пошла, матушка!

Ни у кого не растет, у меня королева первый сорт. Барахвостов найдет слой. В любом невыгодном положении.

Что делали? Э, брат, много кое-что делали. Было делов с ней,

мокрохвосткой, врать не хочу. С кукурузой-то.

Первая беда налетела в виде грачей. Жрут королеву, носами из земли выковыривают. Пускаю в ход своего Кабысдоха. Этот знает, что делать. В поле день и ночь мерзнуть не будет ни за какие деньги. Заприметил двух грачей, самых старых и самых важных. Кабысдох на одного лает, а другому сам лапами помогает королеву из земли выгребать. Один грач при помощи Кабысдоха голодный как волк, другой ходит по пашне сытый. Разодрались. Грачи-то. За одного заступились одне, за второго другие. Пошла в поле катавасия, Кабысдох дело сделал. Ах,

молодец кобель! Хоть и жулик! Грачи
разделились на две партии. Вижу,
клюют день и ночь друг дружку.
Этим не до королевы. Зону стычки
перенесли в лесные уголья. Крик,
шум — только перья летят! Кормятся
чем попало, а борьбу не
останавливают. Кукуруза на два
вершка выросла, дальше
заупрямилась.

Даю бабам приказ: «Поливать
парным молоком! Два раза в сутки,
утром и вечером!» Тепла, вижу, ей
очень мало. Колышек на меже вбили,
солнышко на веревочку привязали.
Оно по небу туда-сюда, на ночь не
закатывается. Пошла королева-то!
Пошла и пошла, матушка, будто что

прорвалось. Я говорю: «Бабы, нервов не ослаблять. На успехи не обращать внимания, поход продолжаем!» Вережка один раз обгорела, солнышко оторвалось. Еле изловили, навязали на проволоку.^[9] Ветер не тот подул, холодный, северный. Я — всю бригаду к ветряной мельнице. «Бабы, крути! За шестерни, за колеса! Разгоняй!» Чтобы крылья вертелись, воздух гонили в другую сторону. Королева растет по десять сантиметров в сутки. Период молочной и восковой спелости проскочили без остановки. Ох, я тебе скажу, намаялся я в ту пору! Ночами не спал, бородой оброс хуже тебя. Штаны в гашике Вириная ушивает

каждую декаду. Еле зимы дождался. Очухался, в баню сходил. Себя в порядок привел. Со сватом чекушку выпили, сват говорит: «Эх, как она тебя! Повытрясла. Похудел, что новобранец, выбегался».

Шефская помощь

Только пришел в чувство — телеграмма. «Товарищ Барахвостов! Точка. Поскольку ваша бригада заняла первое место. Точка. Направляем шефскую группу тридцать человек женщин. Именно лично вам. Обеспечить ночлегом. Точка».

Сперва-то приосанился. А как одумался... Обеспечить ночлегом. Да я и с одной Виринеей намаялся. А тут тридцать штук. Да еще городские, шефские.

Ну ладно, стали готовиться к шефской помощи. Двух баранов зарезали, вымыли и протопили нежилой дом. Постелей настлали,

ждем. Шефки приехали под вечер. Все намазанные. Краска в основном и главном трех сортов: черная, красная и белая пудра. Багаж не заметил, а тоже вроде одне мазила. Спать не ложатся, поют песни. Всю ночь пропели, утром улеглись. Надо будить кормить, не знаешь, как приступиться. Ребятишки к ним в окно заглядывают. Бабы судачат. Некоторые мущины начали появляться в бритом виде. Ну! Теперь жди помощи. До этого, худо-бедно, лен стлали, теперь все, вижу, останавливается. Захожу в избу.

«Дяденька, сюда нельзя!» — «Не дяденька, а бригадир. Барахвостов Кузьма Иванович!» — «Кузьма

Иванович, к нам так заходить нельзя. Мы, может, раздетые!» — «Хорошо, не буду. Только, — говорю, — вот вам мое вступительное слово. Ежели спать будете до обеда, так и варите суп сами. Молоко тоже будет не свежее». Зашушукали: «А что мы будем делать?» — «Делать будем расстилку льна». — «Кузьма Иванович, лучше мы вам покажем концерт!» — «Дело ваше, можете показывать что хотите. На то вы и шефы».

Того же дня открывают репетицию. «Дамочки! — говорю. — Гастроль-то гастролью, а этот, лен-то, тоже надо бы... Под августовские росы». — «Кузьма Иванович, вы

отстали от жизни, теперь месяц октябрь! Такого-то числа приходите на тематический вечер».

Что станешь делать? Вся деревня только и говорит про тематический вечер. Бабы кое-кто поднимают мелкую панику. Мужики заходили в начищенных сапогах. Пошли всякие мутные слухи. Производство встало. Шефы до обеда по три снопа расстелют, с обеда на репетицию. Я — матюгом. Оне на меня: «Фу, как некультурно! Вас, Кузьма Иванович, надо на десять суток». Тут уж мне сила воли отказывает. Говорю категорически: «Гражданочки! Объявляю два вегетарьянских дня, мясо кончилось!

Супу не будет, кислого молока вдоволь!» На мои слова никаких возгласов. Даже не оборачиваются. Ладно. Два дня не кормлю, держу на одном кислом молоке. На третий всех ставлю на обмолот и сушку гороха. Вегетарьянских-то. Вечером намечен концерт, гляжу, ходят многие боком. Иная и совсем стороной. Разговору и щебету стало не слышно, тематический вечер отменили. Уехали на другой день. Дисциплина в бригаде восстановилась полностью в прежнем виде.

Личный контакт

Командированных ездило одно время очень большое количество. И все разные. Не успеешь приноровиться к одному, приезжает другой. С новым характером и другими привычками жизни.

Все-таки великое дело практика! Какие ни разные, а их всего-навсего

три главных категории. Погоди, не перебивай, все расскажу сам.

Значит, так. Первый разряд — это уполномоченный угрюмый, второй веселый неженатый, третий — рыбак. К веселому я быстро приноровился. Сразу видно, что надо делать. Либо сам самовар ставишь да Вириною в лавку, либо устраиваешь на ночлег к определенной доярке. С веселым дело ясное. Ладили. А вот угрюмого я раскусил не сразу. Помаялся. Тут, я тебе скажу, главное дело — не торопись. Дай человеку войти в свое русло, чтобы заговорил, не молчал. А уж как заговорил — не зевай! Где поддакивай, а где и поднеткивай, чтобы он говорил,

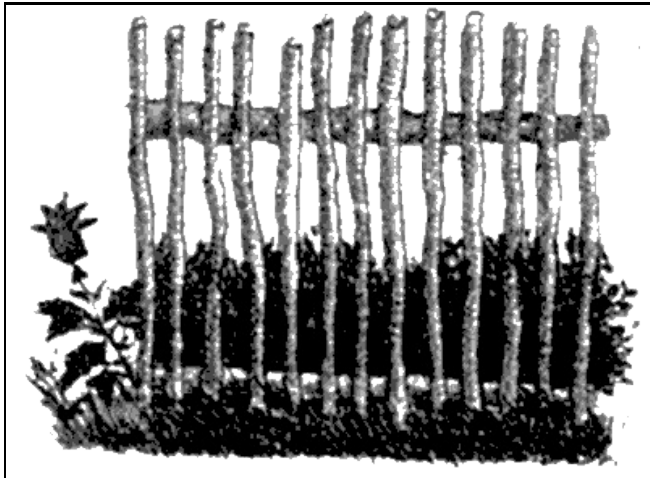
говорил, не останавливался. Потому что какая ни на есть угрюмость, а когда человек говорит, то не так опасно. Строгость из его выходит словесной речью, как простуда в бане. Во-вторых, со слов узнаешь его судьбу, а зависимо от судьбы ведешь план разговора. На ходу прикидываешь: «Так. Пуговицы на пальте нет. Значит, либо совсем овдовел, либо жена попалась мадама. На часы часто глядит — этот долго не вытерпит, в командировку послали силой. Соленого-копченого не ест — болезнь желудка. Не забыть сходить к свату за медом». Ну, одно, другое, глядишь, находим личный контакт. Мужик отмяк, не хуже иного

и веселого.

С рыбаком, с тем проще простого. Вспоминают, зачем приехали, в последний момент либо не вспоминают совсем. Командировки отмечать забывают.

Правда, рыбак, он тоже не сразу мне позиции сдал. Разный он тоже, рыбак-то. Один любит мурмышку, другой — острогу. Третьему подавай готовую тройную уху. Четвертый уду насадит да и ходит весь день по берегу, ищет всякие коренья и загогулины. Кому что. У тебя-то какая специальность? Ну, ну, мне не жалко. Записывай.

Последнее стрелство

Чем тема кончилась? Тема кончилась сама по себе, как и положено. На бригадирской должности сижу три годовых сезона. Починаю четвертый, чувствую: умру. Здоровья совсем не стало, что ни день — полное расстройство нервов.

Внешнее-то питание, правда, наладилось, да поздно. Желудок внутрь не принимает. От курева весь почернел. Левая нога начала дрыгать. Все. Надо уходить в срочном порядке. Пишу заявление. Резолюция — отказать! Пишу второе — отказать, обязать работать. Потом и заявления отстали принимать: у нас, мол, кадры на дороге не валяются. Решил идти напролом — начал выпивать. Это средство тоже не действует. Ругать ругают, с должности не снимают. Я — в панику: что делать? Принимаю последнее средство. Всю организаторскую работу заваливаю, все делаю наоборот. Регулярно выступаю против общих

мероприятий. Вызывают в район. С женой простился, иду. «Товарищ Барахвостов?» — «Так точно, он самый!» — «Так вот, товарищ Барахвостов, решили мы тебя направить на курсы. Для повышения вашей квалификации. После курсов даем более высокую должность».

У меня волосье на лысине — дыбом: «Ребята, отпустите, ради Христа!» «Разговоры отставить, через два дня выехать на курсы!» — «Товарищи, мне не справиться!» — «Поможем, товарищ Барахвостов, поможем». Пришлось ехать.

Моя Виринея уж и поревела тогда. Я говорю: «Не плачь, Вирька, все равно убегу!» Что ты! Разве

убежишь?

После курсов дали мне новую должность. Я хоть и ерепенился, да слободы не получил. А тут и сам стал привыкать, понемногу вхожу во вкус новой жизни. Покупаю галстук и пыжиковую шапку. Записываюсь в общество «Урожай». Получаю квартиру, меняю походку. Разучиваю кой-какие иностранные фразы. Через шесть месяцев переводят в область, через год Барахвостов в центре. Своя машина. Ладно.

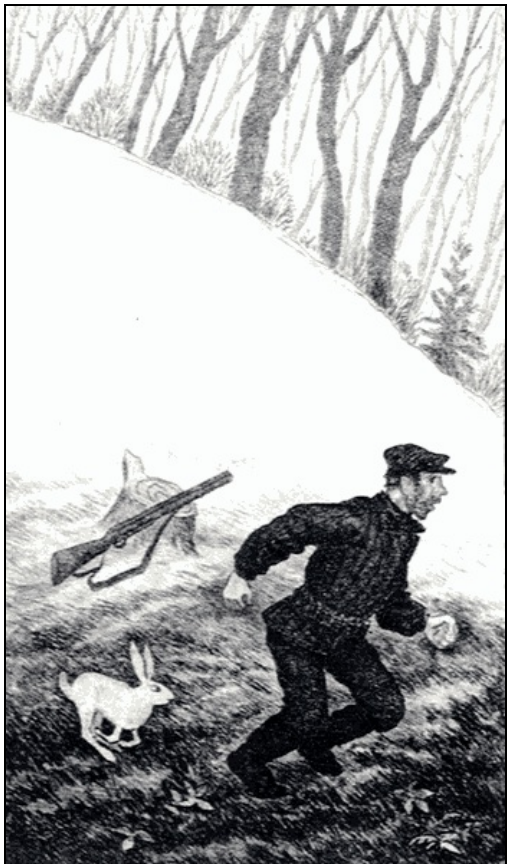
Тут как раз свободное место в объединенных нациях: «Товарищ Барахвостов, выручайте, решили выдвинуть вас!»

Еду на пароходе в Америку,

принимаю дела. Нога перестала дрыгать, лысина обросла. Вылечили. В космос, правда, летал только два раза. В районе Венеры. Перевели на пенсию.

Пятая тема

(Самая темная)

Местов нет

Пока я в отлучке был, сват Андрей умер. Завернуло, сказывают, в одночасье, только его и видели. Мой кобель Кабысдох жив, а свата нет. Виринея, та совсем оглохла. Жизнь пошла под уклон. Поговорить не с кем, контору колхоза перевели в другую деревню. Барахвостов дурак, что ли, жить в такой обстановке? Принимаю решение: николин день отгулять, вино не торопясь выпить да и умереть. Затягивать, думаю, нечего, так и так не отвертишься. Все сделал по плану, умер честь честью. Как уж

там меня хоронили — это не в курсе. Моя Виринея, может, и поревела недолго. Не знаю и врать не хочу.

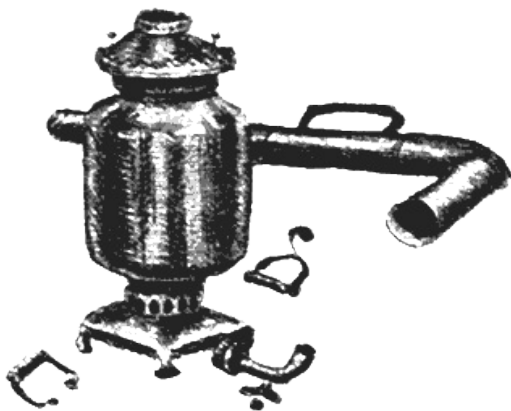
Началась самая темная тема. На третий день прихожу на тот свет. Не пускают. Стучусь. Высунулась чья-то круглая голова: «Кто ломится?» — «Я». «Кто такой?» — «Барахвостов. Кузьма Иванович. Умер третьего дня». — «Местов нет!» Хорошо, что курева было вдоволь. Не надо было, думаю, связываться, жил бы да жил. Людям канители наделал, сам, как шпана, под забором ночью. Ну ладно, прохожу на ту сторону, спрашиваю: «Так, значит, меня куда: в рай или в ад теперече?» — «Вы что, с того света?» — «Так точно». — «Газеты,

гражданин, надо читать: ни ада, ни
рая давно нету. Произошло слияние
ведомств». — «Неужели теперь все
вместе?» — «Да». — «Лучше ли,
хуже?» «Смотря с какой стороны
рассматривать. Теперь все равны, все
грешни-ки в правах
восстановлены». — «Грешить,
значит, можно?» — «Дело ваше. Мы
к этому не касаемся. Анализы все
сданы?»

Дурак я, дурак, вишь,
разговорился. Накликал беды на
свою шею. Надо было поскорее идти,
да и дело с концом, а я
приостановился. Свата Андрея того
дня так и не нашел. Пришлось
проходить все анализы. Было делов-

ТО.

Номер свата Андрея

Люди там все поголовно ничего не делают. Чаю не пьют. Шуров-

му ров ни-ни, только одно сиденье с мыслями. Сидит, глаза закрытые. Подойдешь к нему — вроде бы спит. Один раз осмелился. Спрашиваю: «Гражданин, скажите, пожалуйста, о чем думаете?» Отвечает: «Как это о чем? Думаю, о чем завтра думать. Сначала идут простые мысли. После с развитием головы начинаются мысли об этих мыслях, потом мысли всеобщие. Из всех всеобщих приходит одна наиобщая, самая верхняя. От ее начинаешь все сначала, в том же направлении».

— «А дальше? — спрашиваю. — Потом-то чего?» Поглядел как на дурачка, разговаривать не пожелал. Ладно, иду дальше. Сидит другой.

Задаю прежний вопрос: «А вы, гражданин, тоже в том же направлении?» — «Нет, отвечает, — я уже обратно». — «В смысле?» — «В смысле наиобщего смысла ко всеобщему, от всеобщего к общему».

Ничего я не понял, рукой махнул. «Мне бы, — говорю, — гражданин, дров поколоть — где есть возможность?» Глаза выпучил, не понимает. «Дров, говорю, — поколоть бы». Задумался, после спрашивает: «Номер?» — «Что номер?» — отступаю на всякий случай на два шага назад. «Номер вашей души?» — «Пока нахожусь без номера». Он только хмыкнул. «Тут, — говорит, — и с номерами-то

и то не можешь доступиться, а он без номера захотел. Хитер больно. Знаем вашего брата, свежих-то. Так и норовят без очереди». — «Ну, — говорю, — тогда помогите, пожалуйста, найти свата Андрея». — «Я, — говорит, — и есть сват Андрей. А ты Барахвостов, что ли? Давай проходи дальше, не мешай думать».

Вот так, думаю, номер!

Перекур

Маленько отошел от него, гляжу. По штанам вроде бы он, по обличью совсем другой. Ой, да что там

обличье! Тут обличье у всех одинаковое. Подхожу опять потихоньку: «Сват, а сват?» Не откликается. Обращаюсь в полный голос: «Остановись хоть ненадолго, поговорим!» И не пошевелился сват. Ну, думаю, дело понятное. Бывает. Я когда в объединенных нациях служил, дак тоже не больно-то с земляками разговаривал. Хоть сват, хоть брат, проходи, не вникай. Почтительно посидел, потом говорю: «Сват, сколько годов жили в одном колхозе. Моя девка за твоим парнем, как-никак родня. Давай поговорим!» Нет, молчит. Что, думаю, с человеком время-то делает! В свате Андрее нету свата, остался только Андрей с

номером! «Может, закуришь?» — кричу. Смотрю, сват враз очнулся. Цигарку-то еле завернул, руки с непривычки трясутся. «Вот-вот, — говорю, — перекури. Остановись думать-то». Закурил сват, воровски оглянулся и говорит: «Ты, Барахвостов, только потише. Не шуми. Давно с дому-то?» — «Шестой день. Умер по собственному желанью». — «Ну и дурак! Я бы на твоём месте жил бы да жил». — «Дак в чем, — говорю, — дело? Давай убежим обратно, да и вся недолга». — «Нельзя, Барахвостов». — «Почему нельзя, всё лзя». — «Назад нельзя отступать. Надо вперед. Не для того

думаем». — «Да откуда ты знаешь, что вперед? Может, назад. Ты, говорю, как хошь, а я обратно». Отсыпал ему табаку, адрес записал да бегом от его. В сторону проходной.

Ох, маткин берег, так и знал, что обратно не пустят! Подбегаю я к проходной-то, а меня за рукав: «Куда?»

Я совсем растерялся, говорю: «Так и так, надо сбегать обратно, забыл дома эту... как ее. Постельную принадлежность».

— «Никаких принадлежностей, думать можно в сидячем виде!»^[10]

Шестая тема

*(Последняя. Как
Кузьма Иванович живёт в
настоящее время и о его
планах на будущее)*

Разошлись подобру

Обратно-то прибыл, а дома тоже не признают. «Ты, — говорят, — умер, значит, тебя и нет». Из всех списков похерили. Пенсию списали на второй день после похорон. Кабысдох ушел жить на молочно-товарную ферму. Виринея нашла нового старика. «Ребята, — говорю, — как так?» — «Ничего не знаем, с покойником не разговариваем». — «Войдите в положение, со всяким может случиться!»

Ну, потихоньку-помаленьку

пенсию воротили. Хотя и не сразу, а стали носить. С Виринеей дело было много труднее. И старик-то, прохвост он эдакий, знакомый, вместе под Ленинградом служили! Я говорю: «Ты, мать-перемать, уж больно скор! Не мог погодить, сразу и прибрал к рукам». «А жалко, — говорит, — так бери! Не больно-то я и обзарился». — «Это, спрашиваю, — как так? Не больно обзарился. Это что, в самом деле? Сейчас же откажись от своих слов! Я оскорбления личности не потерплю, моя Виринея не хуже других!» — «Глухая и забытоха. Самовар без воды поставила, вконец распаяла. За самовар плати, получай свою

Виринею. Какая была, такая и есть, ничего от нее не убыло». — «И платить, — говорю, — не буду, и разговаривать не имею желанья».

Кабы старая сударушка
Была не по душе,
Не ходил бы ночи темные,
Не спал бы в шалаше!

Односторонняя переписка

Один раз сидим, пьем чай с
баранками. Вдруг почта приносит
пакет. Под сургучами, боюсь
распечатывать. Екнуло сердце —

оттуда! Ох, не везет, только успел наладить личную жизнь. Распечатал, читаю смысл:

«Гражданину Барахвостову. В срочном порядке предлагаем явиться. Как сбежавшему. Явка строго обязательна, обжалованию не подлежит». Число разобрал, подпись не разбирается. Первая мысль — не надо было распечатывать! Послать бы обратно, будто и дело не мое. Ох, дурак, дурак! Тырк-мырк, не знаю, чего делать. Первый раз в жизни опростоволосился. По избе бегаю. Советуюсь со своей половиной: «Виринея, что будем заводить? Как быть?» Виринея конфету распечатала: «А требуют, так надо

идти!» Ох, мать честная, такое меня зло взяло! Чуть стол не перевернул. «Ты что, говорю, — так-перетак, видать, пондравилось? В чужой-то деревне!» — «Да я что, я пожалуйста. Я ничего и не сказала».

Не сказала... Знаем вашего брата, только и норовят в сторону. Я маленько поуспокоился, сам с собой думаю: «А не пойду, да и все. Будь что будет». Через неделю приходит вторая депеша. Я — из дому ни ногой.

Начинается односторонняя переписка. Депеши ихние прикалываю на гвоздик, сам стараюсь не обращать вниманья. Целое лето так и тянулось, письмо за

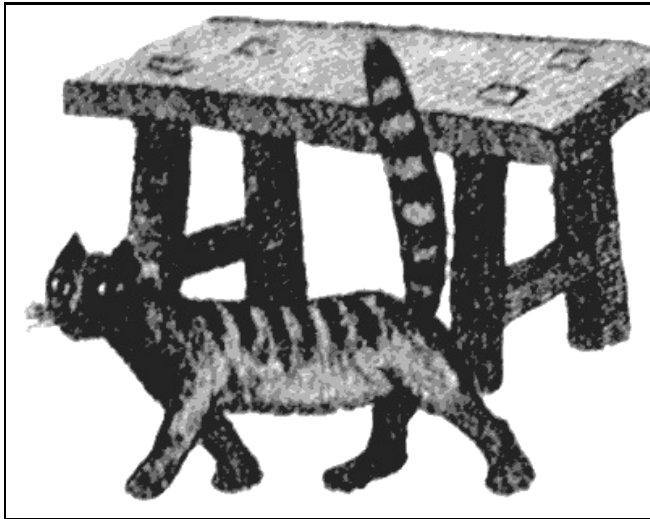
письмом: «Гражданин Барахвостов, даем сто восьмое серьезное предупреждение!» Нет уж, молодцы хорошие! Я вам больше не ходок. Дураков ищите в другом сельсовете.

Подают в розыски. За мою голову назначают большую сумму валюты. Вижу, дело худо. Чего-то надо делать.

Ныне после уборочной покупаю новый бумажный костюм, еду в гости.

К зятьям и к невесткам. Отступились. А я уже было думал: придется менять фамилию. Самое это последнее дело.

Ухожу в себя

Когда уезжал, так говорю
Виринея: «Гляди, Виринея, чтобы все
ладно было. Ежели и в этот раз не
устоишь, домой не жди. Все
чемоданы с гостинцами оставлю при
себе, сам женюсь на городской.

Такую еще отхвачу, и коготки лаковые». А что? Я — Барахвостов, натуры у меня хватит. Из деревни пошел, ни на кого не гляжу. Народ вперед забегает: «Кузьма Иванович, счастливо! Кузьма Иванович, поклон сказывай!» Первый раз в жизни горжусь, поехал в гости. Детки выросли, можно и пофорсить. В поезде меня то и дело культурно спрашивают: «А ваше имя-отчество?» — «Кузьма Иванович Барахвостов, оттуда-то» — «Здоровье, простите, как? Не жалуетесь?» — «Зубы подводят, а в остальном хорошо. Имею, правда, фронтовое ранение ноги, к погоде побаливает» — «Выпить не желаете

ли?» — «Благодарственное спасибо, не потребляю»

Сидим, едем. Не доезжая до города, вижу скопление домиков, стоят рядами, вроде пасеки. Спрашиваю «Простите, это для чего? Кого откармливают?» — «Нет, это фанерные дачи, народ выезжает на выходной» — «Понятно».

А самому ничего не понятно.

С вокзала прямо по адресу. К одной невестке, к другой. Все чернявые, крашеные, юбки чуть не до пупа. Глядеть неловко, отвожу свои взгляды в левую сторону.

Живу. Каждый день по два раза посылают на кулинарную куфню. К вечеру ноги как чугунные. Разуюсь,

сизжу под водопроводом. Сапоги убирают в уборную. Курить не дают. Перешел к зятю, от зятя к другой невестке. Эта тоже начала воспитывать: «Вы, папаша, совсем темная личность. Культуры не знаете». Слова говорю не так, думаю не так, ступаю не так — все поголовно меня учат!

Хорошо, буду учиться городскому обхождению и пониманью. Я понятливый. Выучился, поумнел — опять неладно: «Вы, папаша, больно много знать стали!»

Не любят ни такого, ни этакого. За что не любят? Мало знаю — ругают, много — боятся. Чувствую,

всю дорогу меня переделывают. Да надо мной же еще и хихикают. Ухожу от греха сам в себя. Им опять неладно! Опять недовольны: «Вы, папаша, совсем бессовестный, мы вам добра хотим, вы — сами в себя». Думаю своей головой: «Это вам же лучше, что ухожу сам в себя! Вам же, дурочки, надежнее! А ну-ко бы я начал наоборот, из себя выходить? Что бы тогда было? А неизвестно, чего было бы...»

Разжился

Обидней всего — называли бессовестным. Ночами не сплю.

Может, и правда мало во мне совести-то? Надо, думаю, разжиться. Деньжонки еще оставались, да и от Вириinei получил перевод. Пятнадцать рублей. Беру хозяйственную сумку, иду на рынок. Протолкался до обеда. В этой толкучке ни у кого совести нет. Зашел в комиссионный — говорят: была, да всю продали. Еще на той неделе. Ладно. Может, из-под полы где достану? Поспрашивал, ни у кого нет. Старушка какая-то посоветовала: «Садись вот на такой-то автобус, доедешь до последней остановки. Спрашивай в деревянных домах».

Поехал, стучусь в первом доме.

Выходит гражданин, тапочки на босу ногу. «Была, — говорит, — да всю продал. Еще до праздника. Деньги были очень нужны». Брюхо почесал, дверями хлопнул. Я — в другой дом. Так и так, в цене не постою. «Пожалуйста, — говорят, — можем продать сколько надо. Только деньги сразу». Я обрадовался. «Конечно! Конечно!» — «Давай посудину!» Рассчитался честь честью, прихожу на квартиру. К невестке. Та и вниманья не обращает да еще потом ехидничает: «Ишь, какой совестливый стал папаша-то!» Я про себя думаю: «Нет уж, лучше своя совесть, а не покупная. Уж сколько есть...»

Домой приехал — сумку в погреб. Лежит третий год.

Весёлая жизнь

Съездил не зря, потому что

понял цель жизни. Основную. Какая цель-та? Как тебе сказать... Не каждый, пожалуй, поймет. Я, конечно, не про тебя, а так, в общем. Жить научил зятев сусед. Последние-то дни меня уж и ночевать не пускали. «Иди, — говорят, — куда хошь со своей совестью. И глаза не мозоль». Ночевать где-то надо. Я к зятеву суседу, мужик вроде душевный. Утром пробудились — хлеба нет. Чай пить не с чем. «Иди, — говорит, — дедушко, сдай бутылки». Я бутылки сдал, купил батонов. Он говорит: «Здря! Надо было на эти деньги купить вина. Жить не умеешь, дедко. Я, — говорит, — все время так. Бутылки

сдам, на эти деньги куплю вина. Чтобы бутылок еще больше, чтобы еще больше сдать. Вот уже десять годов ничего не делаю». Я подумал, а ведь и правда!

Домой приехал, попробовал новый способ. Получилось. Веселая пошла жизнь! Пенсию не трогаю, вся до копеечки идет на книжку. Пять бутылок сдам, а шесть покупаю. Выпьешь их, у тебя уж не пять, а шесть. Шесть сдашь, покупаешь семь. Дело прибыльное. Пей, сдавай, покупай, опять сдавай ходишь все время веселый. Заботушки никакой. На давление со стороны не обращаешь вниманья. Мужики увидели такое дело, все перешли на

мой способ. «Вот, — говорят, — Барахвостов, тебе спасибо! Научил, как жить». — «То-то, говорю, — всегда берите с меня пример, со мной не пропадешь. Выхаживал и не из таких положений». С этого дня нашу деревню не узнать, баб с мужиками не узнать, детишков не узнать. Даже петухи поют по-новому.

Пропала бухтина

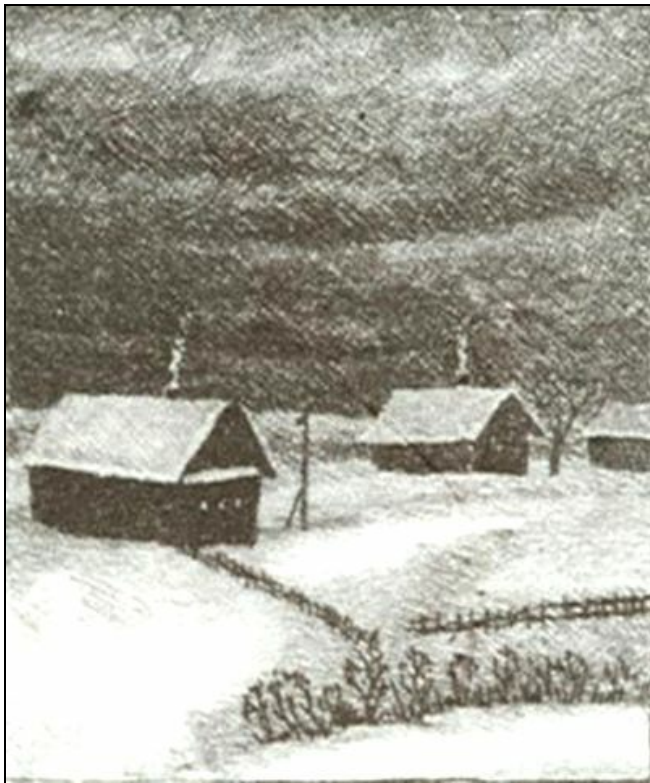
Ах ты, господи... Вишь ты, что получилось. Вот беда-то! Не успел на сарай сходить, ее уже нет. Пропала. Да нет, не Виринея. Куда Виринея денется? Кабы уехала на недельку —

перекрестился бы локтем. Чево? Никуда не поедешь? Знамо, не поедешь, такую старую и в багаж не примут, не то что своим ходом. А надо бы тебя отправить-то. Хоть на недельку. К невесткам-то. Ладно уж, сиди дома. Хм... Так это куда она подевалась, только что тут была. Чево, чево? Да бухтина! Бухтину хорошую потерял, найти не могу. Только на минуту и отлучился на волю. Ты-то не видел? Ну-ко погляди под ногами-то. Под лавкой. Нету? Хм... Виринея, а ты чего расселась, давай тоже ищи. Бухтина не иголка, должна быть. В шкапу-то глядела? За печкой? Ах, мать-перемать, ты что? Останови реплики, помогай искать.

Глаза не видят на ощупь ищи. Должна где-то рядом быть. Ну? Нету? Чево отстань, чево отстань! Не отстану. Хм... Нет, видать, эту бухтину не найти.

Надо придумывать новую. Жаль, бухтинка-то была хорошая. Ядреная. Ну да никуда не девается. Ах вот она, мокрохвостка! Все время на языке вертелась. Апп! Цуп-цуп-цуп... Стой-стой-ст-ст... Попалася! А, вот теперь не ускочишь. Слушай дальше.

Листки перепутал

В тот-то раз я умирал сам, по своей воле. А тут вдруг почувствовал: скоро придется помирать принудительно. Совсем, братец, разные темы. Утром погляжу на численник, на календарь-то. Оторву вчерашний листок — дня как не бывало. Чувствую, осталось еще деньков считанное количество... Листочки как будто сами и сыплются. Я их в берестяную пестерку складываю, сам думаю: «А на хрена было и канитель заводить! Ежели все равно умирать...»

Один раз утром еле-еле встал. Листок оторвал да и полетел: голова закружилась, ноги подкосились. Вижу, приходит конец взаправду.

Сегодня умру, как пить дать, умру. Тут уж обратно не убежать. Все. Лежу на кровати в туманном сознание, воздуху все меньше и меньше. В последний момент вспомнил, что я Барахвостов. Вспомнил, до календаря на карачках дополз, встал. Листок-то оторвал от численника, а после... после взял да обратно и приклеил! В этот день не умер, на другой день приклеил позавчерашний листок. Опять день выжил. Начал приклеивать обратные числа. Начал жить в обратном направлении. Как утро, так листок и приклею. Пошел взад. Обратно к молодому возрасту. Вот уж и от пенсии отказали, говорят, стал

молодой. Вышел из старого возраста. Работу стали давать опять потяжелее. Обжился. Чай пью самосильно. Кадушки делаю. Как думаешь дальше-то пытаться? Уж больно заманчиво. Праздников стало много. Вон сегодня Первый май. А ну, Виринея, подавай новый костюм! Чево? Еще до Восьмого марта неделя? Ну, это я, видать, листки перепутал. А ты не трогай больше мою пестерочку. Ищи для наперстков другую посуду.

Дело заглохло

Еще думаю выписать посылкой

один особый корень. Говорят, растет где-то в Китае, около самого Маодзедуна. Слышь, Виринея! Он, прохвост Маодзедун-от, думаешь, почему долго живет? И ребятишки у него все еще копят. Корень, корень ему помогает! На вид вроде нашей редьки, и витаминов в нем очень много. Еще думаю делать физкультурные телодвиженья, а зимой вместо бани лазать голышом в прорубь. Возьму пешню, пошире распешаю и каждый день по два раза. Утром и вечером. Говорят, очень помогает.

А что? Барахвостов не сгузает.

[\[11\]](#) Вот худо только, не стало в колхозе работы по моей

специальности. Русских печек осталось считанные единицы. Мерзнут, как воробьи в крещение, а печи подай новомодные. Старых конструкций стыдятся. Холодно, и полежать, когда заболеешь, негде.

Зато в передовиках. Печнику стало делать нечего, поневоле начнешь бухтины выдумывать. А меня еще до войны многие писатели за бухтины вином поили. Такой был мастак завирального дела. Оне у меня бухтины записывали, а грамотки посылали в Москву. Когда я первый раз умер, дак в Москве-то схватились за голову: «Ах! Ох! Как оконфузились! Почему Барахвостова проспали, не устеклили? Надо было

его в больницу повалить, все
ревматизмы вылечить». Дурачки! Где
вы раньше-то были?

Ну, постановили послать следом
за мной натодельного человека,
чтобы там, кровь из носу, меня найти
и все бухтины, какие при мне
остались, записать на блокнот. Уж и
командировку ему выписали. А я —
возьми да воскресни. У них весь
интерес к бухтинам сразу пропал, все
дело заглохло. Видать, ждут, когда
умру взаправду.

Зимой вечера длинные

Вот так и живу. Той зимой тоже приезжал один вроде тебя. В боярской шапке, ботиночки остроносые. По морозу бежит, бабы сказывали, прискакивает. Заходит в избу. «Гражданин Барахвостов здесь живет?» «Здесь». — «Имя, отчество?» — «С утра был Кузьма Иванович». — «Кузьма Иванович, мы к вам по важному делу». Слезая с печи, мою у рукомойника руки. Здравуюсь. Виринея поставила самовар, хлеба нарезала. Сидел всю ночь, записывал. На второй день — продолжение. Неделю прожил, уехал. А я уж привык рассказывать-то. Зимой вечера длинные, начал

рассказывать бухтины своим
мужикам. Вдруг бумага — из
области: «Прекратить
разбазаривание бухтин! Барахвостова
остановить!» Прибывает из района
нарочный, берут десятского.
Приходят ко мне на квартиру:
«Товарищ Барахвостов!» — «Я за
него». — «Приказано все бухтины у
вас описать, принять под
расписку». — «Что вы, ребята!» —
«Не разводи частную
собственность!» Делать нечего —
сдал. Какие были в наличности. По
вечерам сижу дома. А ночью, как
назло, бухтины из меня так и лезут.
Рассказать бы, да некому. Моя
Виринея совсем оглохла. Уснешь, а

оне вместе с храпом так и норовят на волю из меня выскочить. Пробудишься, проглотишь: сиди в нутре, не пришло время! Сон собьется, сходишь на двор.

Ты-то от какой организации? Тоже по бухтинам — вижу и сам. Хорошее дело. Только у нас в Вологодской области, может, и почище меня есть, да не сказываются. Бухтинники-то. Ну да ладно, я тоже могу намолоть три короба.^[12] Слабо? А, ешкин нос, ничего не слабо! Керосину бы только надо в лампу долить да жонку из дому выманить. Не даст поговорить на просторе!

notes

Примечания

Варзать — вологодский глагол, обозначающий какие-либо непотребные действия молодых людей. (Здесь и далее прим. автора.)

Почти то же самое, что и варзать

Тюмы — удары

Лошник — место, где по утрам одна за другой садятся домашние куры, чтобы снести очередное яйцо.

Вомелы — очень сильно, иногда
сверх всякой меры и своих же
возможностей.

Лабаз — стог или дерево, куда от страху залезают охотники, караулящие медведя. Обычно зверь не приходит, либо они накрепко засыпают и спят до утра. Бывают, однако, и такие случаи, когда дело заканчивается кровопролитием.

Несомненно, этот сюжет позаимствован Барахвостовым у писателя Константина Коничева.

Патрашить — то же самое, что и
варзать

Как выяснилось, Кузьма Иванович еще до войны действительно читал гоголевскую «Ночь перед рождеством», хотя и забыл все начисто. По всей вероятности, идея пойманного солнца навеяна Барахвостову скорее новейшими достижениями науки и техники, чем прежними впечатлениями.

На этом месте по вине автора пятая тема обрывается. Какими путями удалось Кузьме Ивановичу уйти обратно — неизвестно. Автору стоило многих трудов, чтобы подбить его на продолжение бухтин, но Барахвостов так и не стал завершать пятую тему. Надо заметить, что последующие бухтины записаны по памяти и автор не ручается за их стенографическую точность.

Сгузать — слово чисто вологодское, означающее понятие чисто человеческое. Сгузать — значит струсить, испугаться, побояться, немного отступить и т. д. В народе не видят в этом действии ничего зазорного или недостойного.

Кроме представленных читателю бухтин, намеренно выпущены значительные непристойности в виде так называемых баек и пригоножек, которые, кстати, не имеют самостоятельного значения и рассказаны К. И. Барахвостовым как бы попутно и для разгону.